

Георгий Иванович Чулков

Императоры

Георгий Чулков

Императоры

«Public Domain»

1927

Чулков Г. И.

Императоры / Г. И. Чулков — «Public Domain», 1927

«В книге, предложенной вниманию читателей, я начинаю мой рассказ об императорах именно с Павла, ибо этот государь начал собою то столетие, которое было последним для романовской династии и которое носило на себе на всех этапах своего бытия печать гибели. Петербургская монархия, такая огромная и сложная, пала десять лет тому назад не случайно, конечно: ее падение было предопределено многообразными условиями; — экономическими, социальными и политическими. Это дело социологов вскрыть бесстрастным анализом те внутренние язвы, какие стали смертельными для империи. Мое задание было иное. Я хотел написать портреты пяти царей, которые игрою исторических сил стояли в центре событий, подготовлявших крушение старого порядка. Иные ревнители этого ветхого порядка воображали, что они защищают царское самодержавие, и противопоставляли эту свою идею эгалитарному народовластию. На самом деле никакого самодержавия в петербургский период русской истории не было. Сами цари были игрушкой в руках правящих классов. И романтикам не следует тешить себя напрасно мечтою о „сыновстве“ народа и о „царе-батюшке“...»

Содержание

Предисловие автора	5
Император Павел	6
I	7
II	13
III	18
IV	20
V	24
VI	29
VII	32
VIII	36
IX	39
X	41
Александр Первый	47
I	48
II	50
III	54
IV	57
V	60
VI	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Георгий Иванович Чулков

Императоры.

Психологические портреты

Предисловие автора

В то время как голова Людовика XVI скатилась в корзину гильотины, русская самодержавная императрица Екатерина II еще доживала благополучно свой пышный век. Крестьянско-казацкое восстание Заволжья, задушенное ею в 1774 году, было полузабыто, и цесаревич, опальный, но ревниво мечтавший о короне, не хотел верить, что его судьба будет подобна судьбе несчастного короля. Однако и он был убит бесславно, как его коронованный «брат», правда не всенародно, а в собственной дворцовой спальне руками пьяных гвардейцев.

В книге, предложенной вниманию читателей, я начинаю мой рассказ об императорах именно с Павла, ибо этот государь начал собою то столетие, которое было последним для романовской династии и которое носило на себе на всех этапах своего бытия печать гибели. Петербургская монархия, такая огромная и сложная, пала десять лет тому назад не случайно, конечно: ее падение было предопределено многообразными условиями; – экономическими, социальными и политическими. Это дело социологов вскрыть бесстрастным анализом те внутренние язвы, какие стали смертельными для империи. Мое задание было иное.

Я хотел написать портреты пяти царей, которые игрою исторических сил стояли в центре событий, подготовлявших крушение старого порядка. Иные ревнители этого ветхого порядка воображали, что они защищают царское самодержавие, и противопоставляли эту свою идею эгалитарному народовластию. На самом деле никакого самодержавия в петербургский период русской истории не было. Сами цари были игрушкой в руках правящих классов. И романтикам не следует тешить себя напрасно мечтою о «сыновстве» народа и о «царе-батюшке».

Император Павел верил в свое провиденциальное право быть главою не только государства, но и церкви. Эту мысль внушили ему прусские масоны, когда он был еще наследником, в надежде, что могущественный русский император будет им полезен для их целей. Но безумный государь ничего не успел сделать. Однако, как это ни странно, его болезненная мечта, почерпнутая из столь двусмысленного источника, стала как бы «идеей», а потом даже и официальной доктриной нашей монархии.

Если эта идея нисколько не влияла на объективный исторический процесс, зато она имела немалое значение для психологии самих государей. В моих рассказах я старался раскрыть эту внутреннюю трагикомедию павшей монархии. Вот почему в самом изложении фактов я как бы становлюсь время от времени на точку зрения самих царей.

Такова задача портретиста и психолога.

Мне кажется, наступило время, когда мы можем писать не только страстные памфлеты против поверженных монархов, но и спокойно зарисовывать их личины. События и люди красноречивы сами по себе.

*Георгий Чулков
Сентябрь 1927 г.*

Император Павел

I

В комнате было душно, жарко и пахло пряными духами и еще чем-то – должно быть, распаренным человеческим телом. Шторы были спущены; мерцал ночник, и, хотя был день, с трудом можно было различить в полумраке согбенные фигуры женщин в огромных кринолинах; старухи, темные и недвижные, были похожи на больших сонных птиц, которые расположились на вечерний покой. Нахохлившись, они сидели вокруг пышной колыбели, где были навалены какие-то покровы и ткани. Тут был лисий черно-бурый мех, стеганное на вате атласное одеяло, бархатное одеяло, еще какое-то одеяло, и под этой грудой задышался на перинах крепко и плотно спеленутый младенец.

Когда молодую великую княгиню, бывшую ангальт-цербстскую принцессу, Софию-Августу-Фридрику, именовавшуюся теперь Екатериной, ввели в эту комнату, она едва не лишилась чувств от спертого воздуха и сладкого дурмана духов. Ей дали восковую свечу, и когда княгиня решила поднять кисею колыбели, она увидела крошечное розовое личико с двумя темными и мрачными глазами, совсем не по-младенчески глянувшими на нее. Нос у младенца был смешной, как пуговица.

Это жалкое крошечное существо был будущий «самодержец всероссийский, князь эстляндский, лифляндский, курляндский, повелитель и государь царей грузинских, наследник норвежский, герцог шлезвиг-голштинский и ольденбургский, великий магистр Державного ордена святого Иоанна Иерусалимского и прочая и прочая».

С первых дней своего существования этому самодержцу пришлось испытать невыносимую духоту царской спальни. Императрица Елизавета, фрейлины и мамушки душили ребенка пеленками и одеялами, как будто желая приуготовить его к тому шарфу, который затянули ему на шее пьяные гвардейцы 11 марта 1801 года.

Кто был этот младенец? Чей был он сын? До сих пор никто этого не знает. Сам он был убежден, что Петр III, бывший герцог голштейн-готторнский, злополучный император, год кривлявшийся на русском троне и потом задушенный одним из деятелей 1726 года, был действительно его отцом. Другие сомневались в этом, предполагая, что отцом Павла был Салтыков, любовник Екатерины. Иные уверяли, что от красивого Салтыкова не мог родиться курносый мальчик и что Екатерина родила мертвого ребенка, которого заменили новорожденным чухонцем из деревни Котлы, расположенной недалеко от Ораниенбаума.

Жизнь Павла оказалась не менее загадочной и фантастичной, чем его происхождение.

Та, которую он считал впоследствии своей матерью, редко появлялась у его колыбели. Зато императрица Елизавета навещала младенца раза два в сутки, иногда вставала с постели ночью и приходила смотреть будущего императора. Подрастая, он привык к женщинам – к фрейлинам, к нянькам – и боялся мужчин. В 1760 году, когда Павлу не было и шести лет, Елизавета Петровна назначила камергера Никиту Ивановича Панина обер-гофмейстером при Павле. Панину было тогда сорок два года. Он почему-то казался маленькому цесаревичу угрюмым и страшным стариком. Его парик и голубой кафтан с желтыми бархатными обшлагами внушали ребенку непонятное отвращение. Он встретил своего воспитателя слезами, полагая, что теперь у него отнимут мамушек и все «веселости». Впрочем, он скоро должен был получить новые впечатления, которые заинтересовали его не менее, чем игры с няньками. Он присутствовал на спектакле, где французские актеры декламировали пышные монологи и где юные девицы танцевали прелестно, восхищая зрителей. Когда ему минуло шесть лет, иностранные посланники представлялись ему торжественно. Это было немного страшно, но он уже чувствовал, что его судьба необычайна, что он предназначен быть повелителем.

Но будущему императору надо было учиться. Грамоте его стали учить уже в 1758 году и тогда же надели на него модный кафтанчик и парик, который одна из нянь заботливо окропила святой водой.

Странный страх всегда сопровождал Павлу с младенческих лет. Ему постоянно мерещилась какая-то опасность. Хлопнет где-нибудь дверь – он лезет под стол, дрожа; войдет неожиданно Панин – надо спрятаться в угол; за обедом то и дело слезы, потому что дежурные кавалеры не очень-то с ним нежны, а мамушек и нянюшек нет: их удалили, ибо они рассказывают сказки, поют старинные песни и вообще суеверны, а цесаревич должен воспитываться разумно. Ведь то был век Вольтера и Фридриха Великого. Тогда еще Павел не увлекался коронованным прусским вольнодумцем, и ему были милы сказки про бабугу. Впрочем, это не мешало мальчику обнаруживать способности к наукам и остроумие. Однажды после урока истории, когда преподаватель перечислил до тридцати дурных государей, Павел крепко задумался. В это время от императрицы принесли пять арбузов. Из них только один оказался хорошим. Тогда цесаревич сказал: «Вот из пяти арбузов хоть один оказался хорошим, а из тридцати государей ни одного!»

Императрица Елизавета умерла в 1761 году, когда Павлу было семь лет. Петр Федорович по своему легкомыслию не мог заняться воспитанием маленького Павла. Впрочем, однажды голштинские родственники принудили его посетить какой-то урок цесаревича. Уходя, он сказал громко: «Я вижу, этот плутишка знает предметы лучше нас». В знак своего благоволения он тут же пожаловал Павла званием капрала гвардии.

То, что случилось летом 1762 года, осталось в памяти Павла на всю жизнь. 28 июня, утром, когда Павел не успел еще сделать свой туалет, в его апартаменты в Летнем дворце в Петербурге вошел взволнованный Никита Иванович Панин и приказал дежурному камерлакею одеть цесаревича поскорее. Впопыхах напялили на него первый попавшийся под руки камзол и потащили в коляску, запряженную парой. Лошади помчали Панина и его воспитанника к Зимнему дворцу. Маленький Павел дрожал, как в лихорадке, и, пожалуй, на этот раз для его испуга были немалые причины. В эту ночь Екатерина была провозглашена императрицей. Павла вывели на балкон и показали народу. На площади толпились простолудины, купцы и дворяне. Проходившие гвардейцы, расстраивая ряды, буйно кричали «ура». Эти крики пугали мальчика, и он почему-то думал о том, которого считал своим отцом. В Зимнем дворце был беспорядок. Придворные и офицеры толпились в шляпах, и Павлу послышалось, что кто-то говорит «наш кривляка», «наш дурачок», и какой-то камергер, заметив Павла, дернул болтуна за рукав. О ком они говорили? О каком кривляке? О каком дурачке?

Впоследствии Павел все узнал. Он узнал, как Екатерина совершила свой победный поход во главе гвардии в Петергоф и как ее растерявшийся супруг, отрекшийся от престола, был отвезен в Ропшу. Он нашел также в бумагах Екатерины после ее смерти письмо Алексея Орлова: «Матушка, пощади и помилуй, дурак наш вздумал драться, мы его порешили»...

Но Павел не считал дураком Петра Федоровича и даже любил его. Этот человек не успел еще обидеть чем-нибудь мальчика. А Никита Иванович Панин, к которому Павел скоро привык, внушал ему искусно некоторые странные и беспокойные мысли об императрице. Нашлись и другие, которые растолковали мальчику, что после смерти Петра III надлежало императором быть ему, Павлу, а супруга удавленного государя могла быть лишь регентшей и правительницей до его, Павла, совершеннолетия. Павел это очень запомнил. Тридцать четыре года думал он об этом дни и ночи, тая в сердце мучительный страх перед той ангальт-цербстской принцессой, которая завладела российским престолом, вовсе не сомневаясь в своем праве самодержавно управлять многомиллионным народом.

Итак, надо было воспитывать наследника. Екатерина решила действовать энергично. Поклонница западной цивилизации, она решила пригласить воспитателем Даламбера. Но из этого ничего не вышло. Он отверг предложение императрицы, как отверг приглашение Фри-

дриха Великого, который предлагал ему свое гостеприимство. Знаменитый энциклопедист, намекая на «геморроидальные колики», от которых, по официальной версии, умер Петр III, писал Вольтеру: «Я очень подвержен геморрое, а он слишком опасен в этой стране», то есть в России.

Пришлось ограничиться российскими воспитателями. Среди них был, между прочим, известный своими «Записками» Семен Андреевич Порошин, человек весьма честный и образованный. Кроме того, учили цесаревича Эпинус и Остервальд. Павел изучал историю, географию, математику, русский язык, немецкий, французский. Знал немного по-латыни. Позднее других приглашен был в качестве преподавателя архимандрит Платон, впоследствии митрополит. Прежде чем назначить этого монаха учителем, его пригласили на обед ко двору, и сама императрица с ним беседовала, желая убедиться в том, что будущий воспитатель цесаревича не суеверен. Ученица Вольтера, как известно, больше всего опасалась суеверий. По-видимому, Платон с честью выдержал экзамен и был допущен как доверенное лицо к наследнику престола. Но положение его было трудное. Князь Щербатов, автор известного сочинения «О повреждениях нравов», писал, между прочим, что Екатерина «закон христианский (хотя довольно набожной быть притворяется) ни за что почитает...». «И можно сказать, — поясняет Щербатов, — что в царствование ее и сия нерушимая подпора совести и добродетели разрушена стала...» Такого же мнения о Екатерине был и вольнодумец Фридрих прусский, который был уверен, что она, притворяясь благочестивой, в сущности, вовсе не религиозна. Впрочем, строгий монах, храня веру, удивлял, однако, своим красноречием и ученостью даже скептиков. Его книги известны были в Европе. Сам Вольтер лестно отзывался о силе его проповедей. У несчастного Павла не было недостатка в разнообразных воспитателях. Известная пословица «у семи нянек дитя без глаза» лучше всего определяла его судьбу. В самом деле, кто окружал Павла? Образованный, но ленивый и не всегда искренний Панин; екатерининские вельможи, подражавшие виконтам и маркизам Людовика XVI; голштинские и прусские выходцы, застрявшие в России после бесславной гибели их царственного покровителя, — все эти люди не очень стеснялись в присутствии малолетнего наследника, и на обедах, которые ежедневно устраивал Панин, Павел слышал подчас разговоры весьма двусмысленные, смущавшие его детский ум. Те, которые не утратили еще аппетита к жизненным усладам, говорили за стаканом вина о сердечных причудах, и скоро подраставший Павел стал интересоваться любовными темами, которые в ту эпоху назывались «маханием».

За обедами велись также и политические разговоры, причем мальчик догадывался, что не все были довольны политикой Екатерины. Приходилось ему нередко слышать и цитаты из «Девственницы» Вольтера, которые комментировались придворными вольнодумцами так, что мальчик невольно сопоставлял их, недоумевая, со строгими поучениями своего воспитателя Платона. О быте дворца и личности отрока Павла можно составить себе представление по дневнику его учителя Порошина. Дневник начинается как раз с 20 сентября 1764 года, дня рождения цесаревича. Ему исполнилось тогда десять лет. Архимандрит Платон произнес после обедни в назидание мальчику проповедь на тему — «В терпении стяжите души ваша». Были официальные поздравления. Потом «его высочество с танцовщиком Гранжэ менуэта три протанцевать изволил». Вечером был бал и ужин. Вот обстановка, в которой складывался характер цесаревича. Десятилетним мальчуганом ему уже приходилось выступать на торжествах и танцевать на балах не только с Гранжэ, но и с фрейлинами императрицы. Это не мешает ему иногда капризничать и даже плакать, как ребенку, и Панину приходилось «гораздо журить» воспитанника. Порошин заметил в мальчике непостоянство его симпатий. У него, оказывается, «наичеловеколюбивейшее сердце», и он вдруг «влюбляется почти в человека, который ему понравится», но так же быстро он склонен разочароваться в своем увлечении. Вся тогдашняя дворцовая повседневность проходит перед нами, и мы

видим маленького Павла за уроком физики, то на балете «Наказанная кокетка», то на приеме иностранных дипломатов... В учении – особенно в математике – он делает успехи, несмотря на рассеянность, и Порошин замечает по этому поводу: «Если бы его высочество человек был партикулярный и мог совсем предаться одному только математическому учению, то бы по остроте своей весьма удобно быть мог нашим российским Паскалем».

Павел много и внимательно читает. Если иногда его суждения бывают опрометчивы, как это случилось однажды в его разговоре о Ломоносове, он всегда готов признать свою ошибку. Он, конечно, знает не только Сумарокова, Ломоносова, Державина и прочих российских пиитов, но и западных писателей. Театр Расина, Корнеля, Мольера ему хорошо известен. Он твердит наизусть монологи из «Федры», «Атали» и классических французских комедий. Он знает Вольтера. Он имеет понятие о Руссо. Он жадно читает странную и увлекательную книгу великого испанца о том изумительном рыцаре, который был так великодушен, добр, умен, храбр, благороден и так... смешон. Маленькому Павлу хочется покинуть дворец, где за ним бродят, как тени, придворные лакеи; где умный, но слишком озабоченный, самолюбивый и суетный Панин распоряжается его судьбой, как опекун; где так неуютно и жутко. Ему хочется, как этому – чудаку Дон-Кихоту, уехать куда-нибудь в поисках прекрасной Дульцинеи, не боясь насмешек. За торжественными обедами, особенно когда присутствует императрица, у Павла начинается необъяснимая тоска, и он плачет, смущая иностранных дипломатов и вызывая гнев Екатерины и раздражение Никиты Ивановича. А тут, как нарочно, эти придворные обеды тянутся непонятно долго. Ему, Павлу, всегда хочется как можно скорее покончить одно дело, чтобы взяться за другое. Ему кажется почему-то, что надо спешить, что ему предстоит сделать что-то важное и что надо торопить дни: как можно раньше ложиться спать и вставать на рассвете. Если ужин затягивается на четверть часа, Павел горько жалуется, а встает так рано, что заспанные камердинеры, зевая, с трудом натягивают ему чулки и спросонья то и дело роняют подсвечники, бьют посуду, вызывая упреки цесаревича в нерадении. Почему Павел так торопится жить? Не потому ли, что жизнь страшна, особенно здесь, во дворце, где разговаривают часто о страшном? То Никита Иванович расскажет о казни Волынского при императрице Анне Иоанновне, и от этого рассказа о пытках и муках на голове шевелятся волосы; то подслушает цесаревич ужасную повесть об императоре-отроке Иоанне Антоновиче, которого веселая императрица Елизавета с младенчества держала в тайных казематах крепости; то Порошин разболтает что-нибудь о деле подпоручика Мировича, который пытался освободить этого таинственного узника в 1764 году, но, ворвавшись в тюрьму, нашел там бездыханное тело и сам за дерзость свою заплатил головой по повелению императрицы Екатерины... Что такое Тайная Канцелярия? Что это такое «слово и дело»? «Не входя в подробности, – рассказывает Порошин, – доносил я его высочеству, сколько честных людей прежде сего от Тайной Канцелярии пострадало и какие в делах от того остановки были. Сие выслушав, изволил великий князь спрашивать: где же теперь эта Тайная Канцелярия? И как я отвечивал, что отменена, то паки спросить изволил, давно ли и кем отменена она? Я доносил, что отменена государем Петром III. На сие изволил сказать мне: так поэтому покойный государь очень хорошее дело сделал, что отменил ее?» Это сообщения неосторожного Порошина наводили маленького Павла на мысли, которые едва ли приятны были императрице.

Во дворце говорили, впрочем, не только о страшном. Любили говорить о смешном. Но и смешное почему-то пугало сердце, и нельзя было понять, откуда этот ужас и этот смех. «Его превосходительство Никита Иванович изволил сказывать о смешных и нелепых обещаниях, какие оный Мирович делал святым угодникам, если намерение его кончится удачно. При сем рассказывал его превосходительство о казни одного французского аббата в Париже. Как палач взвел его на виселицу и, наложив петлю, толкнул с лестницы, то оный аббат держался за лестницу ногой, не хотелось повиснуть. Палач толкнул его в другой раз покрепче,

сказав: сходите же, господин аббат, не будьте же ребенком. Сему весьма много смеялись». Но Павел не смеялся и ночью кричал во сне: ему представлялись широко раскрытые глаза этого аббата и губы, белые, как бумага.

Разговоры о казнях, муках, пытках сменялись разговорами о любви, о веселостях, о «махании». Павел доверчиво рассказывает Порошину свои сердечные истории. То ему нравится одна фрейлина, то другая. Он сочиняет даже стихи, при помощи, быть может, Порошина, в честь одной прелестницы:

Я смысл и остроту всему предпочитаю,
На свете прелестей нет больше для меня.
Тебя, любезная, за то я обожаю,
Что блещешь, остроту с красой соедини.

Когда Екатерина, взяв с собою Павла, навестила однажды монастырь, где воспитывались благородные девицы, ей вздумалось мило пошутить. Она спросила Павла, не хочет ли он жить с этими девушками. Его высочество изволил ответить, что нет... Однако женское общество ему, по-видимому, более мужского, и он охотно занимается «маханием», хотя ему еще нет двенадцати лет.

Все способствовало пробуждению в Павле чувственности, и удивительно, что в нем сохранились некоторые стыдливость и целомудрие, несмотря на все эти любовные соблазны. Впрочем, его воспитатель предсказывал прозорливо, что «он не будет со временем ленивым или непослушным в странах цистерских».

Сам Панин подавал пример нравственной слабости, особенно когда ему вскружила голову графиня Строганова, про которую муж говорил, что она обладает приятностями, кои другим раздаются, а ему из них ничего не достается.

«Шутя говорили, – пишет в своих записках Порошин – что пришло время государю великому князю жениться. Краснел он, и от стыдливости из угла в угол изволил бегать; наконец изволил сказать: „Как я женюсь, то жену свою очень любить стану и ревнив буду. Рог мне иметь крайне не хочется. Да то беда, что я очень резв, намедни слышал я, что таких рог не видит и не чувствует тот, кто их носит“. Смеялись много о сей его заботливости».

Атмосфера екатерининского двора была томная и душная. Изнеженные, избалованные и беспечные царедворцы, усвоившие охотно легкомысленную философию парижских салонов, и здесь, в Зимнем дворце, продолжали вести рассеянную и чувственную жизнь, не стыдясь своего ребяческого разврата.

Григорий Орлов, фаворит Екатерины, предложил однажды Павлу нанести визит фрейлинам. Императрица охотно допустила эту вольность. И Павел переходил из комнаты в комнату, восхищаясь девицами. После этих приятных визитов он «вошел в нежные мысли и в томном услаждении на канаве повалился». Потом он делился с Порошиным своими чувствами к некоей его «любезной», которая «час от часу более его пленяет». В этот вечер он искал во французском энциклопедическом словаре слово «любовь».

Наконец имя его возлюбленной стало всем известно. Это была Вера Николаевна Чеголокова, круглая сирота, которую воспитала Екатерина и сделала своей фрейлиной. Когда Павлу пришлось ехать в карете с императрицей и против него сидела его любезная, он искал ее глаза и, встретив благосклонный взор, был безмерно счастлив. Через несколько дней ему удалось танцевать с ней на придворном маскараде, и Порошин заметил, как его воспитанник пожимал нежно маленькую ручку. Через три дня у великого князя был припадок ужасной ревности. В самом деле, на куртаге не было его возлюбленной, у которой будто бы заболела

губка. Но в это же время на куртаге не было молодого князя Куракина. Из этого Павел сделал надлежащие выводы. Ревность, однако, скоро угасла, потому что губка у милой прошла и она опять встретилась с Павлом на маскараде. Танцуя в польском шен, он успел ей сказать: «Если бы пристойно было, то я поцеловал бы вашу ручку». Тогда она, потупя глаза, сказала, что «это было бы уж слишком». Были, однако, и новые приступы страстной ревности. Павлу показалось, что его возлюбленная нежно смотрит на камер-пажа Девиера. По этому поводу у влюбленных были серьезные объяснения...

II

Павел подрастал. Он уже не заползает теперь под стол от страха, не пугается нищих, как это с ним случилось однажды в детстве, когда он из окна дворца увидел человека в лохмотьях, в котором, быть может, его государево сердце смутно прозрело грядущего санкюлота – грядущее возмездие обитателям дворцов. Павел умеет теперь скрывать свой страх, который отравлял его душу с младенческих лет. Но и теперь ему кажется, что во дворце не все благополучно. Он окружен попечением. К его услугам десятки лакеев; с ним всегда воспитатели и лекторы; за обедом присутствует опекающий его Никита Иванович; но скучно, неуютно и одиноко в его покоях. В чем дело? Не в том ли, что У цесаревича нет матери? В самом деле, разве эта полная, моложавая сорокапятилетняя женщина, окруженная фаворитами и весело управляющая государством, как своей вотчиной, похожа на родную мать Павла? Разве она не равнодушна к нему? Разве нашелся у нее досуг, чтобы заглянуть в его душу? Разве она знает, чем теперь занят этот странный мальчик, взволнованный и своенравный? Она не видит даже, как ревниво и гневно наблюдает иногда на куртаге за своей улыбающейся матерью этот отрок, не забывающий страшной июньской ночи 1762 года. Призрак задумчивого Петра III стоит перед глазами маленького Павла. Он никому не говорит об этом своем воспоминании, по ему иногда хочется спросить кого-то: зачем, собственно, он живет здесь во дворце, в сущности, никому не нужный и чужой? А что, если те самые люди, которые убили его отца, готовят и ему такой же конец? Ну, если не те, то подобные им? Вчера он случайно видел, как резал повар кур. Царей, кажется, режут так же. просто. Об убитых государях читывал кое-что цесаревич в книгах, которые приносил ему неосторожный Семен Андреевич Порошин. Его теперь удалили неожиданно от Павла. И мальчику жаль добрейшего Семена Андреевича. К нему иногда можно было забраться на диван и рассказать откровенно о своих думах и сердечных тайнах – обо всех, за исключением одной. Об этой единственной тайне нельзя было говорить ни с кем, даже с Порошиным. А между тем эта ужасная тайна, эта постоянная мысль об убитом отце, мучает и терзает Павла. Кто эти люди вокруг него? Не убийцы ли? Вчера подали суп совсем сладкий. Не отравы ли? Павел не стал есть супа. А Никита Иванович гневался и вывел цесаревича из-за стола. Иногда на цесаревича нападает тоска. Тогда он кривляется и «все головою вниз мотает», точь-в-точь как покойный Петр Федорович. Но такие странные припадки у мальчика бывают редко. Обычно он умеет скрывать свои чувства. Он почтителен к матери и любезен с окружающими его. Однако многие замечают, что между матерью и сыном создались отношения не совсем понятные. Это заметили даже иностранные послы и писали об этом донесения своим государям.

Маленький Павел страшится надменных любимцев императрицы. Они ужасно высокомерны. А когда кто-нибудь из них вдруг станет с ним ласков, как одно время с ним был ласков Григорий Орлов, то это внимание, пожалуй, мучительнее, чем прямая грубость. Этот любовник царицы был особенно внимателен к Павлу как раз в то время, когда у Екатерины родился от него сын, впоследствии граф Бобринский. Этого нельзя было утаить от Павла, рано узнавшего альковные тайны коронованной любострастницы. Сентиментальный и целомудренный мальчик уже стыдился своей развратной матери.

Петр III до конца своих дней оставался ребенком. Это не нравилось его супруге. Павел, напротив, рано созрел и порою казался даже маленьким старичком. И это не нравилось государыне. Петр III был слишком беспечен и все шутил – даже у гроба Елизаветы. Павел, с другими приветливый, смотрел на свою мать странными, требовательными и недоверчивыми глазами, а придаться к нему было трудно, ибо он был почтителен и вежлив, и Екатерина не знала, как с ним быть.

Когда Павлу исполнилось четырнадцать лет, решено было учить его государственным наукам. Порошина теперь не было. Главным преподавателем сделался Остервальд. Кроме того, Павлу читали курсы Николаи, Лафермьер и Левек – все иностранцы, и с ними Павел не очень ладил. Порошин умел удерживать своего воспитанника от увлечения военным делом, а немцы сами преклонялись перед традициями прусской системы, и Павел заразился той же страстью, как и Петр III. Теперь экзерцирмейстерство и парады стали на первом плане. Екатерина называла это военным дурачеством.

Впрочем, еще при Порошине приходилось Павлу участвовать в военных упражнениях, – например, на маневрах под Красным Селом в 1765 году. Мальчуган в это время числился командиром кирасирского полка. Он был в восторге, что на нем кираса, а в руках настоящий палаш. Но тогда все еще было невинно. Павел «на месте баталии, верхом сидя, покушал кренделя» и мирно поехал домой спать в сопровождении своего миролюбивого воспитателя. Теперь четырнадцатилетний Павел чересчур озабочен вопросами военной дисциплины. При Порошине он только мечтал о разных баталиях, воображал себя дюком де-Сен-Клу и располагал армию в Иль-де-Франсе. Все эти мечтания носили фантастический характер и отчасти рыцарский. Случайно пришлось ему прочесть Вертотову «Историю об ордене Мальтийских кавалеров». Это было как масло в огонь. Мальчишка вообразил себя рыцарем. К несчастью, к четырнадцати годам мечты были уже приурочены к тогдашней действительности, и у Павла явилось пристрастие не к героизму и рыцарству, а к прозаическим и жестоким порядкам прусской солдатчины.

Этому способствовали и политические обстоятельства. В 1768 году наши армии были брошены на юг для войны с Османской Портой. Началась Польская кампания, которая закончилась, как известно, разделом Польши. Цесаревичу приносили карты и реляции генералов. Он живо интересовался военными делами. Нашлись и советчики, которые критиковали насмешливо политические планы коронованной женщины. Ему внушали, что он, Павел, как мужчина и государь, мог бы лучше руководить иностранной политикой и военными операциями.

В то время, когда Екатерина и ее фавориты удивляли Европу своею роскошью, превосходным знанием французского языка и умением наслаждаться прелестями счастливой Цитеры, народ задыхался в тисках крепостного права, рекрутчины и произвола судебных. Павлу пришлось и об этом подумать, особенно когда в Москве появилась моровая язва, а потом начался бунт. Павлу казалось, что эти веселящиеся вельможи готовят ему плохое наследство. Ему в это время было шестнадцать лет.

Царедворцы были тесно связаны с дворянством и с гвардией. Екатерина получила корону с их помощью. Всю жизнь, с первых лет царствования, императрица сознавала свою зависимость от этих привилегированных кругов. Но Павлу были ненавистны избалованные аристократы и распущенные гвардейцы. Они все представлялись ему цареубийцами. Он привык уже критиковать политику Екатерины. Эта политика ему казалась лицемерной. В самом деле, не она ли, императрица, созвала депутатов в «Комиссию для сочинения проекта нового уложения»? Не она ли сочинила для них «Наказ», где излагала с присущей ей самоуверенностью идеи Монтескье и Беккариа? Не она ли мечтала об общем благе и справедливости? Но разве ее поступки соответствовали тем идеям, которые она исповедовала в письмах к Вольтеру? Никогда еще дворянство не пользовалось такими преимуществами, как теперь. Екатерина как будто платила за те услуги, которыми она воспользовалась в 1762 году. И Павел возненавидел дворян. Нет, он будет не на словах, а на деле заботиться об общем благе. Никаких привилегий! Он – законный претендент на престол. Ему не надо ничьих услуг. И ему не придется оплачивать этих титулованных холопов.

Его отец Петр III едва ли уже был так неразумен и плох, как об этом рассказывают фавориты Екатерины. Недаром где-то на Урале воскрес его призрак.

Говорят, какой-то смельчак назвал себя императором Петром и двинулся на запад, вербуя своих сторонников и громя дворянские усадьбы. Со странным чувством следил Павел за восстанием Пугачева. Военные отряды, посланные царицей, разбиты и бежали. Крестьяне и казаки идут все дальше и дальше, занимая Поволжье, угрожая отрезать от столицы огромные пространства. О, конечно, это идет вор и разбойник. Но нет ли в этом страшном мятеже справедливого возмездия за убийство «законного» царя, за это окончательное закрепощение народа, за эту безумную расточительность развратных фаворитов?

В это время Никита Иванович Панин, ревностный масон, давал читать Павлу таинственные рукописные сочинения, где доказывалось, что император должен блюсти благо народа, как некий духовный вождь. Император должен быть посвященным. Он помазанник. Не церковь должна руководить им, а он церковью. Эти безумные идеи смешались в несчастной голове Павла с той детской верой в промысел божий, которую он усвоил с младенческих лет от царицы Елизаветы, мамушек и нянек, которые лелеяли его когда-то. И вот Павел стал мечтать об истинном самодержавии, которое осчастливит весь народ. Поскорее бы только осуществить свое право!

Нашлись, конечно, люди, которые внушали Павлу, что его час настал. 20 сентября 1772 года был день его совершеннолетия. Многие были уверены, что Екатерина привлечет к управлению страной законного наследника. Но этого, разумеется, не случилось. Павлу пришлось запастись терпением. Он даже признался матери, что дипломат Сальдерн соблазнял его немедленно настаивать на его, цесаревича, правах. Гнев Екатерины был велик. А Павел писал в это время покаянные письма своему коварному любимцу, графу Андрею Разумовскому. У Екатерины были свои агенты, которые зорко следили за Павлом, и она прекрасно знала, какой романтический бред о самодержавии владел головой наследника. Трезвая царица решила отвлечь Павла от этих, по ее мнению, сумасбродных идей. Молодого человека надо было женить. Выбор Екатерины остановился на Вильгельмине, дочери ландграфини гессен-дармштадтской. Этому сватовству предшествовали весьма сложные придворные интриги и дипломатическая игра. В конце концов, ландграфиня с Вильгельминой и ее сестрами согласилась приехать в Петербург.

Ассебург в письме к графу Панину из Дармштадта дал характеристику невесты Павла: «Принцесса Вильгельмина до сих пор еще смущает каждого... заученным и повелительным выражением лица, которое редко ее покидает... Удовольствия, танцы, парады, общество подруг, игры, наконец, все, что обыкновенно возбуждает живость страстей, не затрагивает ее... Среди всех этих удовольствий принцесса остается сосредоточенной в самой себе... Нет ли сокровенных страстей, которые овладели ее рассудком? Тысячу раз ставил я себе этот вопрос и всегда сознавался, что они недостижимы для моего глаза... Насколько я знаю принцессу Вильгельмину, сердце у нее гордое, нервное, холодное, быть может, несколько легкомысленное в своих решениях...»

Павла вовсе не посвящали в предварительные переговоры по делу о его браке. В Любек была отправлена особая эскадра, которая должна была привезти в нашу столицу гессен-дармштадтское семейство. Одним из фрегатов командовал граф Разумовский. Он был всего только на два года старше Павла, но уже успел приобрести немалую опытность. Он учился сначала в Петербурге у Шлецера, потом в Страсбургском университете, а военное свое образование завершил службой в английском флоте. Вернувшись из Англии, он внушил Павлу чрезвычайное расположение к себе. Павел, кажется, не знал одной особенности Разумовского. Этот блестящий молодой граф пользовался необыкновенным успехом у дам, прелестями коих он любил наслаждаться, не считаясь с правилами строгой нравственности. Путешествие от Любека до Ревеля Разумовский совершил на фрегате, где находилась старая ландграфиня со своими дочерьми. По-видимому, он произвел тогда же сильное впечатление на невесту Павла, Вильгельмину.

Павел в свою очередь влюбился в девицу, которая ему предназначалась в жены. Архиепископ Платон, учитель Павла, наставлял ее православию. Она приняла имя Натальи Алексеевны. В августе отпраздновали ее обручение с наследником. То, что Вильгельмина приняла православие, дало повод для остроумия Вольтеру и Фридриху II. Их веселость разделяла и Екатерина, которая сама, однако, настояла на принятии принцессой церковного вероучения, ибо это было, как она думала, необходимо по соображениям политическим.

Бракосочетание состоялось 29 сентября 1773 года. Среди пышных торжеств и празднеств Павел сохранял любезный и приветливый вид, о чем свидетельствуют иностранные дипломаты. Однако жениха и молодожена волновала какая-то мрачная мысль. Надо было побороть это опасное настроение. У Павла явилась потребность поделиться с кем-нибудь своими чувствами. Он решил, что лучше всех его поймет граф Разумовский. И он тогда же написал ему: «Дружба ваша произвела во мне чудо: я начинаю отрешаться от моей прежней подозрительности, но вы ведете борьбу противу десятилетней привычки и побораєте то, что боязливость и обычное стеснение вкоренили во мне. Теперь я поставил себе за правило жить как можно согласнее со всеми. Прочь химеры, прочь тревожные заботы». Однако освободиться от этих тревожных забот и химер не так было легко. Трудно даже понять иногда, где начинается действительность и где сон. Едва окончились празднества по поводу бракосочетания цесаревича, как в Петербурге было получено известие о пугачевском мятеже. Слухи были так загадочны, что это давало повод для всевозможных сумасшедших проектов, в коих имя Павла называлось неоднократно. Даже Андрей Разумовский, заметив в простом народе расположение к Павлу, будто бы в порыве искренних чувств затеял разговор с цесаревичем о его правах на престол, и Павлу пришлось грозным взглядом принудить дерзкого к молчанию.

Все тревожило Павла – и такие огромные события, как пугачевский бунт, и такие мелочи, как осколки стекла, случайно попавшие в блюдо сосисок, которое было подано на ужин его высочеству. Павел, разгневанный, пришел к Екатерине и заявил, что дворцовые слуги покушаются на его жизнь.

И вообще все шло не так, как надо. В это время высоко поднялась на государственном небосклоне звезда Потемкина. Это уже был не «дуралей» Орлов и не Васильчиков, человек незначительный, а умный, способный и надменный временщик, презиравший высокомерно бесправного наследника.

По мнению Павла, этот Потемкин ничего не понимал в государственных делах. У него, Павла, есть своя программа. В 1774 году он представил императрице записку – «Рассуждения о государстве вообще, относительно числа войск, потребного для защиты оного, и касательно обороны всех пределов».

Смысл записки был в том, что России надо вести не наступательную, а оборонительную политику. Расширять пределы России нет надобности. Армию надо сократить, по зато подчинить ее строгой регламентации. Надо стремиться к экономии прежде всего. Одним словом, в этой записке была резкая критика екатерининской программы. Императрица поняла тотчас, что ее пути с наследником разошлись окончательно. Она не очень скрывала от него свои чувства. А Потемкин относился с грубой небрежностью к этому юному претенденту на власть.

Сторонники Екатерины презирали Павла. Пугачевский бунт, хотя и задушенный правительством, странным образом напоминал знати о тех требованиях, какие предъявлял Павел. Мятежники как будто перекликались с наследником престола. И Пугачев и Павел тревожили тень убитого Петра III, приписывая ему добродетели, каких у него, вероятно, вовсе не было. Правда, Павел был в ужасе от побед страшного самозванца, но он доказал впоследствии, что у него к дворянству было не меньше ненависти, чем у этого беглого казака.

Музыка придворных празднеств, шум екатерининских дворцов, звон бокалов и пение кантат – ничто не могло заглушить мятежных воплей, которые доносились до столицы из

дебрей Урала и степей Поволжья. Пылали дворянские усадьбы; бежали в панике отряды, руководимые испытанными генералами; передавались бунтовщикам тысячи казаков, крестьян и горожан; находились даже попы и офицеры, присягавшие Пугачеву в надежде, что он отнимет власть у Екатерины... Понадобилось послать Петра Папина и самого Суворова, чтобы они усмирили губернии, охваченные огнем восстания. Павел, быть может, догадывался о смысле этого огромного бунта. Быть может, он понял слова самого Пугачева, сказанные им графу Панину: «Я вороненок, а ворон-то еще летает». 10 января 1775 года отрубили голову тому, кого Пушкин назвал «славным мятежником». Память о нем сохранилась навсегда не только в народе, но и во дворце. И среди услад брачного алькова Павлу мерещились окровавленные головы казненных.

Павел был влюблен в свою жену. Он слепо ей верил. И когда однажды Екатерина, раздраженная честолюбивыми мечтаниями великой княгини, постаралась внушить Павлу недоверие к жене и к его и ее другу А. М. Разумовскому, из этих внушений ничего не вышло. Ему, Павлу, Наталья Алексеевна казалась существом прекрасным и безупречным. Ее дружба с Разумовским была, как он думал, исполнена чувств совершенно невинных и целомудренных. Только в апреле 1776 года, когда после неблагоприятных родов она умерла, несчастный Павел убедился, что жена его была любовницей того самого Разумовского, с которым он так доверчиво делился сокровенными чувствами и мыслями. Екатерина нашла в шкатулке покойной письма ее возлюбленного и не утаила их от молодого вдовца.

III

Незадолго до женитьбы цесаревича на Вильгельмине гессен-дармштадтской с ним случилась странная история.

Однажды Павел засиделся до поздней ночи со своими друзьями, разговаривая и куря трубку. Светила ярко луна, и он решил прогуляться по Петербургу инкогнито в обществе князя Куракина. Была ранняя весна. Тени ложились по земле длинные и густые, а воздух весь был пронизан стальным, прохладным сиянием.

Князь Куракин, не замечая меланхолии Павла, шутил насчет запоздавших прохожих. Петербург был, как всегда, таинственный и прекрасный. Дворцы Растрелли и Кваренги казались в эту лунную ночь волшебным сном, ни с чем не сравнимым.

При повороте в одну из улиц, где мощные гранитные стены были неожиданно похожи на призрачные декорации, Павел заметил на крыльце одного дома высокого и худого человека, завернутого в плащ, вроде испанского, и в военной, надвинутой на глаза шляпе. Он, казалось, поджидал кого-то, и как только молодые люди миновали его, он вышел из своего убежища и подошел к Павлу с левой стороны, не говоря ни слова. Невозможно было разглядеть черты его лица, только шаги его по тротуару издавали странный звук, как будто камень ударялся о камень. Этот спутник показался Павлу не совсем обыкновенным. Он шел рядом, почти касаясь цесаревича, и Павел почувствовал, как остывает его левый бок, как будто он прислонился к глыбе льда.

Павла охватила дрожь, и он, обернувшись к Куракину, сказал:

– У нас странный спутник.

– Какой спутник? – спросил Куракин.

– Вон тот, что идет слева и стучит каблуками. Но Куракин никого не видел.

Зато Павел не сомневался в том, что его преследует кто-то. Цесаревич стал внимательно рассматривать незнакомца. Павел заглянул к нему под шляпу и встретил взгляд, который покори́л и очаровал его.

Павел дрожал не от страха, а от холода. Какое-то странное чувство овладевало им и проникало в сердце. Ему казалось, что кровь у него стынет.

Вдруг из-под плаща раздался глухой и грустный голос:

– Павел!

Цесаревич невольно откликнулся, удивляя Куракина:

– Что тебе нужно?

– Павел, – повторил тот. – Бедный Павел! Бедный государь!

– Слышишь? – спросил цесаревич Куракина. Но и на этот раз Куракин ничего не слышал. А спутник продолжал говорить Павлу:

– Не увлекайся этим миром. Тебе недолго в не жить, Павел.

Молодые люди вышли на площадь около Сената.

– Прощай, Павел, – сказал незнакомец, – ты меня снова увидишь здесь...

И Павел тотчас узнал орлиный взор, смуглый лоб и строгую улыбку прадеда.

Они стояли как раз на том месте, где по воле Екатерины воздвигнут был впоследствии Фальконетом памятник Великому Петру.

Сам Павел придавал своей галлюцинации особый смысл и был уверен, что видение не было случайной игрой больного воображения. Однажды, будучи за границей, он рассказал о своем видении. Этот рассказ летом 1782 года был записан баронессой Оберкирх. О дал серьезный повод предположить, что голова бедного наследника не в порядке, что рано или поздно на российский престол взойдет безумец.

Надо сказать, что во время этой фантастической прогулки по лунному Петербургу Павел был уже причастен тайнам масонства. Масоном был и его спутник Куракин. Суеверие великого князя и трезвость его друга легко мирились с тогдашней практикой «вольных каменщиков». В ложах не было строгой идейной дисциплины: позволялось мыслить, покорствуя личным склонностям. Суть дела была в одном – в отрицании материализма, с одной стороны, и в соперничестве с христианской церковью – с другой. Очевидно, митрополит Платон сознательно или невольно уступил своего воспитанника Н. И. Панину, который был, как известно, влиятельный масон. И. В. Лопухин даже восхвалял в стихах графа Панина за то, что он ввел Павла в сообщество иллюминатов:

О старец, братьям всем почтенный,
Коль славно,
Панин, ты успел:
Своим премудрым ты советом
В храм дружбы сердце царско ввел...
Грядущий за твоим примером,
Блажен стократно он масон...

Кроме того, Павел, следуя примеру Петра III, весьма чтит Фридриха Великого, который покровительствовал масонам. Из Пруссии получались масонские книги и рукописи. Их жадно читал цесаревич, в надежде, что он познает истину. Братья масоны внушали между прочим мечтателю, что его будущее самодержавие провиденциально, что он, как посвященный, будет возглавлять не только государство, но и церковь. Эти идеи не казались Павлу жалким бредом. Он с ужасом смотрел на свою коронованную мать, которая, по его представлению, кошунственно владела престолом. Безбожница! Она смеялась над святыней. Нет, он, Павел, будет молиться часами перед иконами. Ему не приходило в голову, что братья масоны лишь до поры до времени терпят его суеверие; он не догадывался, что именно из масонских кругов выйдут не в далеком будущем те самые «якобинцы», которых он впоследствии считал врагами рода человеческого.

Сухой, ясный и насмешливый ум Екатерины не позволял ей отнестись к масонству с доверием и сочувствием. Она изучила масонскую литературу и сочинила на братьев каменщиков три сатирических комедии. Впрочем, наступили дни, когда ей пришлось бороться с вредным, по ее мнению, сообществом иными средствами – арестами и ссылками. Расправа с Новиковым всем известна. Сами масоны объясняли эти кары тем, что были установлены следствием сношения Новикова с цесаревичем. Преступность этих связей в глазах Екатерины усугублялась еще близостью Павла I к дипломатическим агентам Берлина. Иллюминаты возлагали надежды на Павла. В московском издании «Магазин свободно-каменщической» имеются следующие вирши, обращенные к Павлу:

С тобой да воцарятся
Блаженство, правда, мир,
Без страха да явятся
Пред троном нищ и сир;
Украшенной венцом,
Ты будешь всем отцом.

История не оправдала масонского оптимизма. Павлу слишком долго пришлось ждать престола, и он занял его сорока двух лет, с душой уже помраченной больной. Впрочем, масонские вожеления были лучше странных идеалов безумного самодержца.

IV

Екатерина решила утешить обманутого и оскорбленного вдовца. С обычной фривольной игривостью она писала Гримму, как она ловко повела дело и убедила цесаревича в необходимости жениться. Она подыскала ему невесту. Это была виртембергская принцесса, София-Доротея, внучатная племянница Фридриха II, который сочувствовал этому браку. Софии-Доротее, принявшей в православии имя Марии Федоровны, суждено было сыграть немалую роль в жизни Павла.

Эта юная принцесса, миловидная и сентиментальная, воспитанная в духе Руссо, отличалась характером доверчивым и нежным. Павел встретился с нею в Берлине, где Фридрих II, несмотря на свойственную ему скупость, чествовал русского наследника престола с необыкновенной пышностью. Хитрый король готовил себе будущего могущественного союзника. Павел был польщен. Невеста ему понравилась.

«Мой выбор сделан, – писал он Екатерине. – Препоручаю невесту свою в милость вашу и прошу о со хранении ее ко мне. Что касается до наружности, то могу сказать, что я выбором своим не остыжу вас; мне о сем дурно теперь говорить, ибо, может быть, я страстен, но сие глас общий. Что же касается до сердца ее, то имеет она его весьма чувствительное и нежное, что я видел из разных сцен между роднёю и ею. Ум солидный ее приметил и король сам в ней, ибо имел с ней о должностях ее разговор, после которого мне о сем отзывался; не пропускает она ни одного случая, чтобы не говорить о должности ее к вашему величеству. Знания наполнена, и что меня вчера весьма удивило, так разговор ее со мной о геометрии, отзываясь, что сия наука потребна, чтобы приучиться рассуждать основательно. Весьма проста в обращении, любит быть дома и упражняться чтением или музыкою, жадничает учиться по-русски, зная, сколь сие нужно»...

Сентиментальная принцесса влюбилась в Павла не менее, чем он в нее. Она так же, как и он, изливает свои взволнованные чувства в письмах к родным и друзьям. Что касается до знаменитого прусского короля, то он, угождая Павлу и его державной матери, по-видимому, не утратил, однако, своей наблюдательности и скептицизма. В его исторических опытах имеются следующие любопытные строки, относящиеся к Павлу: «Он показался гордым, высокомерным и резким (*altier, haut et violent*), что заставило тех, которые знают Россию, опасаться, чтобы ему не было трудно удержаться на престоле, на котором, будучи призван управлять народом грубым и диким (*dure et feroce*), избалованным к тому же мягким управлением нескольких императриц, он может подвергнуться участи, одинаковой с участью его несчастного отца».

Холодный рационалист, но зоркий соглядатай душ и сердец, Фридрих II как будто угадал судьбу Павла. Это предвидение тем более замечательно, что цесаревич вовсе не на всех производил такое мрачное впечатление. Некоторые мемуаристы восхищаются внешностью и характером великого князя. Мария Федоровна в числе этих панегиристов. «Великий князь, очаровательнейший из мужей, – писала она подруге своего детства, – кланяется вам. Я очень рада, что вы его не знаете, вы не могли бы не полюбить его, и я стала бы его ревновать. Дорогой мой муж – ангел. Я люблю его до безумия». Вот какие чувства внушил женщине Павел Петрович. Но сам он сознавал особенности своего характера. В интереснейшем письменном «наставлении», которое он приготовил и вручил своей невесте, есть между прочим следующее предупреждение: «Ей придется прежде всего вооружиться терпением и кротостию, чтобы сносить мою горячность и изменчивое расположение духа, а равно мою нетерпеливость». Он мог бы прибавить и еще кое-что о странностях своего характера. По-види-

тому, вскоре он и сделал это. Павел признался своей возлюбленной, что его душа наполнена призраками, которые внушали ему ужас. Он, великий князь, любезен и приветлив; иным он кажется остроумным и добродушным; у него есть царственная самоуверенность и свой собственный стиль; но за этой маской таится слепой и мучительный страх. Чего он боится? О, разве мало привидений вокруг него! Разве по ночам не стоит перед ним загадочный мертвый Петр III, как будто призывая его, Павла, к отмщению? Разве не мерещится ему красивое, холодное и непонятное лицо покойной великой княгини Натальи Алексеевны, чьи ноги он целовал, не подозревая, что она отдается бесстыдному ловеласу Разумовскому? А разве не страшно живое и как будто светлое, как будто открытое, как будто милостивое лицо императрицы Екатерины? Разве эта самодержавная властительница его судьбы не ужаснее всех покойников? Что у нее на уме, у этой великолепной царицы? Не грозит ли ему, Павлу, такая же участь, какая постигла Иоанна Антоновича или Петра Федоровича?

«Богу известно, каким счастьем представляется для меня вскоре принадлежать вам, — писала Павлу невеста, — вся моя жизнь будет служить вам доказательством моих нежных чувств, да, дорогой, обожаемый, драгоценнейший князь, вся моя жизнь будет служить лишь для того, чтобы явить вам доказательства той нежной привязанности и любви, которые мое сердце будет постоянно питать к вам. Покойной ночи, обожаемый и дорогой князь, спите хорошо, не беспокойтесь призраками (*n'ayez pas des fantomes*), но вспоминайте немного о той, которая обожает вас».

«Не беспокойтесь призраками»! Легко давать такие советы, но как их исполнить? Удалить призраки не в пашей власти. Они преследуют больную душу. Напрасно несчастный мечтает освободиться от этих видений. А у Павла жизнь складывалась так, что он ей каждым годом становился все более и более мнительным и подозрительным. Для его подозрительности были серьезные основания. При первом знакомстве с Марией Федоровной Екатерина оказала ей свое внимание и расположение. Под первым впечатлением от этой встречи у властолюбивой императрицы явилось желание обласкать и очаровать молодых. У них состоялся ряд свиданий, на коих Екатерина держал себя как нежная мать. Павел, со свойственной ему экспансивностью, тотчас же откликнулся на милостивое дружелюбие царицы. Но эта идиллия недолго продолжалась. Главное, у Екатерины и Павла были различные вкусы. В Павле проснулись те самые интересы и настроения, какие были характерны для Петра III, — симпатии к Пруссии, восхищение ее порядками и военной дисциплиной. Политическая программа вытекала из этих увлечений мнимой гармонией прусской государственности.

Павлу не хотелось расширять пределы Российской империи. Ему хотелось сосредоточить ее силы, замкнуть их в рамки существующей территории, привести в порядок весь этот громоздкий хаос запутанных дел и отношений. А у Екатерины были другие планы. Ей была нужна великолепная панорама империи-победительницы, империи-завоевательницы. Отсюда ее войны на юге, борьба с Османской Портой, с Польшей и невольная война с Швецией. В то же время ей нужно было кокетничать с Европой своим либерализмом. У нее была потребность переписываться с Гриммом, с Вольтером, со всеми знаменитостями, занимавшими воображение европейских салонов. У Павла были другие корреспонденты. Из Берлина, из Швеции, из Москвы он получал тайно письма и сочинения масонов; они старались внушить ему особые понятия о самодержавной власти, которая рано или поздно должна была перейти в его руки. Об этих сношениях подозревала Екатерина. Она понимала, что с ее смертью, если Павел взойдет на престол, вся ее государственная программа будет уничтожена в первые же дни его правления. И она задумала отстранить Павла от престола. И он об этом догадывался. Но, кажется, это Решение императрицы и опасения Павла созрели

не сразу. Благосклонная мать и почтительный сын, таившие друг от друга взаимную ненависть и презрение, как будто все старались убедить самих себя и других, что еще возможен мир, возможно уладить столкновения, грозившие государству новыми потрясениями.

Жизнь Павла протекала в семейном быте, в политическом бездействии, не лишенном, однако, острого и враждебного внимания к государственным делам. Своими мрачными впечатлениями от политики Екатерины он откровенно делился с Н. И. Паниным, и они единодушно осуждали большой двор, где, по выражению Павла, «боятся нестрашного и смеются несмешному». Весной 1777 года великая княгиня забеременела. Осенью пришлось переехать в Зимний дворец, покинув Павловск, который был подарен Екатериной молодым супругам. Они уезжали в меланхолии, как будто предчувствуя, что там, в Петербурге, их ожидает что-нибудь недоброе. В самом деле в эту осень постигло столицу ужасное бедствие: приезд великокняжеской четы совпал с самым страшным в летописях Петербурга наводнением. Суеверный Павел в ужасе смотрел на огромные пасти волн, готовые поглотить все на их пути. Ему казалось, что эта темная стихия угрожает безбожному городу, мстя за преступления коронованных убийц.

Едва потускнело в душе Павла мучительное впечатление от буйства непокорной Невы, как на его долю выпало новое испытание. На этот раз в нем был оскорблен не почтительный сын, не ревнивый любовник, не претендент на престол, а муж, отец и семьянин. Когда 12 декабря 1777 года родился в семье цесаревича столь желанный им сын Александр, этот младенец был по требованию императрицы отнят от матери и отца и отдан на попечение особых воспитательниц, назначенных Екатериной. В известные сроки разрешалось Марии Федоровне навещать ребенка, но ни ей, ни Павлу не доверяли воспитание будущего императора. Екатерина, очевидно, тогда уже рассчитывала подготовить ребенка к судьбе престолонаследника. Так отняты были от родителей все их дети – Александр, Константин, Николай. Той же участи подверглись и дочери Павла. Он должен был покорствоваться, стиснув зубы, затаив мучительное чувство. Одного этого испытания было бы достаточно для того, чтобы потерять душевное равновесие. И Павел все менее и менее владел собой.

В 1780 году политика Екатерины определилась очень твердо. Русское правительство порвало связь с Пруссией и сблизилось с Австрией. С таким направлением нашей дипломатии Павлу трудно было мириться. Но Екатерина была непреклонна. В конце 1781 года, в связи с новой политической программой, у Екатерины явился план отправить великокняжескую чету за границу. Согласно ее программе, Павел должен был посетить Австрию, Италию и Францию. Берлин, о котором мечтал Павел, в маршрут цесаревича не вошел. И на этот раз Павел повиновался, не посмея настаивать на свидании с Фридрихом II.

Павел путешествовал под именем князя Северного. Европейские дворы встречали Павла с таким почетом, какого он не знал у себя в России. Это льстило ему и волновало его честолюбивое сердце. А между тем в Европе многие сознавали, как странно и двусмысленно положение великого князя. В придворном Венском театре предполагалось поставить «Гамлета», но актер Брокман отказался играть, сказав, что, по его мнению, трудно ставить на сцене «Гамлета», когда двойник датского принца будет смотреть спектакль из королевской ложи. Император Иосиф был в восторге от проницательности актера, и представление шекспировской трагедии не состоялось.

Из Вены Павел с женой поехал в Италию. Он посетил Венецию, Падую, Флоренцию, Болонью, Анкону, Рим, Неаполь. В Неаполе он встретился с обольстителем своей первой жены. Разумовский был там нашим послом. В это время он находился в связи с королевой неаполитанской. Рассказывают, что, увидев своего оскорбителя, Павел будто бы обнажил шпагу и предложил ему поединок, который не состоялся благодаря вмешательству свиты. В Риме у Павла было несколько свиданий с Пием VI. Во Флоренции в страстном порыве Павел не удержался от резких порицаний екатерининских фаворитов. Путешественники побывали

в Ливорно, Парме, Милане и Турине. Оттуда через Лион князь Северный со свитой поехал в Париж. Это был канун Большой Французской революции.

V

Совершая свою поездку от Лиона до Парижа, будущий император России не мог не видеть резких контрастов сельской жизни. Пышные шато дворян, епископов, откупщиков и нищие, крытые соломой хижины крестьян и фермеров красноречиво говорили о том, что не все благополучно в этой «прекрасной Франции». Правда, глаз будущего властелина мог уже привыкнуть к подобным контрастам и в тогдашней России, но там многомиллионное население дремало и лишь изредка дико кричало в кошмарном сне какой-нибудь пугачевщины. Здесь, во Франции, мятежи стали явлением обычным и вошли в традицию. В одной Нормандии, как точно сообщил один кавалер Павлу, бунты из-за хлеба отметили собою ряд лет – 1725, 1737, 1739, 1752, 1764, 1765, 1766, 1767, 1768 и так далее и так далее. Чем ближе к дням кроткого Напета, тем чаще вспыхивали эти огни, освещавшие сумерки обреченной на гибель ветхой государственности.

Когда Павел со свитой останавливался в городах и селениях, к его удовольствию, он ни в чем не чувствовал недостатка. Он был окружен комфортом, который казался глазевшим на него крестьянам непростительной роскошью и бесстыдной расточительностью. Крестьяне не могли думать иначе. Как раз в этом году в равнине Тулузы они не ели ничего, кроме маиса, и то в небольшом количестве; в других местностях сельскому населению приходилось еще хуже – даже каштаны и гречиха считались лакомством. В Лимуссене питались репой; в Оверни – смесью ячменя и ржи. Крестьяне почти не видели хорошего пшеничного хлеба.

Павел, интересовавшийся армией прежде всего, не мог не обратить внимания на то, что из девяноста миллионов, которые тратила казна Людовика XVI на содержание армии, сорок шесть шло на офицеров и лишь сорок четыре на солдат. Если принять во внимание, что на каждого офицера приходилось до пятидесяти и более нижних чинов, то становится очевидной безобразная несправедливость в распределении государственных средств. Павлу казалось, что система эта напоминает порядки Екатерины. В народе слагались легенды, также иногда похожие на наши российские мифы о народном царе. Этими легендами охотно пользовались во время мятежей, приписывая королям то, что у нас мужики приписывали царю. «Крестьяне все время говорят, что у нас грабежи и разрушения, которые они учиняют, соответствуют желанию короля».

«В Оверни крестьяне, сжигающие замки, выражают большое отвращение к подобному плохому обращению „с такими хорошими господами“: они ссылаются на то, что ничего не поделаешь – „приказ непреклонен и они имеют уведомление, что его величество так хочет“». Лет через десять легенда о народолюбивом короле была разоблачена, но тогда еще пользовались ею, крича: «Долой подати и налоги! Долой привилегированных!» «Грабили магазины, рынки, замки, сжигали списки недоимщиков, счетные книги, думские архивы, помещичьи библиотеки, монастырские пергаменты – все подлые бумаги, которые создают повсюду несчастных и угнетенных».

Впрочем, Павел об этом скорее мог догадаться, чем точно знать. Пестрая и великолепная панорама аристократической и придворной жизни искажает перспективу истории. Королева Мария-Антуанетта, граф д'Артуа, госпожа де Ламбаль, Полиньяк, герцоги, маркизы и кавалеры ему не представлялись в виде кровожадных вампиров, какими рисовала себе их парижская толпа, состоявшая отчасти из провинциальных неудачников, тщетно искавших счастья в столице.

При въезде в Париж Павел не мог, однако, не заметить, как роскошны золотые экипажи коронованных особ и знати и как нищие и грязны улицы, где за отсутствием тротуаров несчастные пешеходы рискуют головой: дворяне любили бешено гнать своих лошадей, давя

народ. В это время в салонах говорили о правах человека, с наслаждением читали Вольтера, смеялись вместе с веселыми кардиналами над суеверием отцов, цитировали Дидро, вздыхали над Руссо, декламировали непристойные стихотворные повести Лафонтена. Предчувствовало ли это привилегированное общество свою гибель?

В начале мая великокняжеская чета приехала в Париж. В первый же день Павел инкогнито присутствовал на торжественной мессе и видел процессию кавалеров святого духа. Он был очарован великолепием Версаля. Представляясь королю, он сумел сказать любезные слова, не теряя достоинства, на что застенчивый Людовик XVI отвечал не слишком складно. Мария-Антуанетта была в восторге от визитов Павла и его жены.

Торжества и празднества шли неизбежной вереницей по случаю их приезда. Слушали оперу в волшебной зале Версальского театра, участвовали в блестящем празднике в Малом Трианоне. «Графиня Северная имела на голове маленькую птичку из драгоценных камней, на которую едва можно было смотреть: так она блистала. Она качалась на пружине и хлопала крыльями по розовому цветку»... Сад был чудесно иллюминирован. Потом был бал в Зеркальной галерее Версаля, расписанной Лебреном. Роскошь этого бала была необычайна. Павел говорил остроты, которые передавались из уст в уста. На другой день был смотр французской гвардии на Марсовом поле. Потом устроена была поездка в Шантильи, где гостей чествовал принц Кондо. Здесь не любили вольтерьянцев. Вольнодумцы чувствовали себя лучше в Пале-Рояле. В Шантильи после спектакля ужинали на острове Любви, а на другой день охотились на оленей.

Возвращаясь из королевско-аристократического дворца Кондэ, Павел и Мария Федоровна посетили могилу Руссо в Эрменонвиле, очевидно, не подозревая, что они преклоняют свои колени перед тем самым философом, которого в это время благоговейно читал Робеспьер.

Павла и его жену угощали пирами и балами каждый день, между прочим, граф д'Артуа и граф Прованский. Ни Павел, ни эти графы не предвидели, что они встретятся при совершенно иных обстоятельствах: принц Кондэ, граф д'Артуа и граф Прованский спустя несколько лет бежали от огня революции и нашли убежище в России, выпросив субсидии и покровительство у Павла Петровича.

Цесаревич удивлял парижан знанием французского языка и французской культуры. Гримм рассказывал, что, посещая мастерские художников, русский принц обнаружил тонкий вкус и немалые знания. Он осмотрел Академию, музеи, библиотеки и всевозможные учреждения, всем интересуясь. Бомарше читал ему еще не напечатанную тогда «Свадьбу Фигаро». Поэты подносили ему груды мадригалов и од.

И вот в разгаре этих торжеств и успехов Павел неожиданно получил от Екатерины грозное письмо. Оказывается, была перехвачена переписка наперсника Павла, князя Куракина, с Бибиковым, который в своей корреспонденции отзывался неуважительно об Екатерине и ее фаворитах.

Слухи о неладах императрицы с наследником дошли до Людовика XVI, и король однажды спросил Павла, имеются ли в его свите люди, на которых он мог бы вполне положиться. На это Павел ответил с присущей ему выразительностью: «Ах, я был бы очень доволен, если бы возле меня находился хотя бы самый маленький пудель, ко мне привязанный: мать моя велела бы бросить его в воду, прежде чем мы оставили бы Париж».

Восьмого июня Павел уехал из столицы Франции. Маршрут дальнейшего путешествия был таков: Орлеан, Тур, Анжер, Лилль и Брюссель. Более месяца Павел и его жена наслаждались семейным счастьем в Этюпе около Монбельяра, где жили родители Марии Федоровны. В Россию они возвратились через Вену, минуя по приказанию императрицы опасный Берлин. Они прибыли в Петербург 20 ноября 1782 года.

Глухая вражда императрицы и Павла продолжалась. Бибиков был сослан. Такой же участи в более мягкой форме подвергся Куракин. Умер Никита Иванович Панин. Цесаревич, лишенный друзей и сочувствующих, был окружен враждебными интригами, и для его мнительности было слишком много поводов. Он был даже удивлен, когда 12 мая 1783 года, после присоединения Крыма, Екатерина удостоила его серьезной беседы по вопросам международной политики. Павел отметил это в своем дневнике как «доверенность ему многоценную, первую и удивительную».

Вскоре у Марии Федоровны родилась дочь Александра, и Екатерина подарила по этому поводу цесаревичу «мызу Гатчино». Она была куплена у наследников бывшего любовника царицы, знаменитого своей веселостью Григория Орлова, который умер, однако, как многие весельчаки, в припадках дикой меланхолии. Политический разговор Екатерины с Павлом и ее дар – Гатчина были последними ее милостями сыну.

Наступает тринадцатилетний «гатчинский» период жизни Павла. Здесь созрели окончательно политические идеи будущего императора; здесь определился его характер; здесь он создал своеобразный и мрачный быт; здесь душа его, уже отравленная ревнивыми мечтами о власти, ничем не ограниченной, заболела страшным недугом.

Екатерина зорко следила за отстраненным от власти Павлом. Ее любимый внук Александр был окружен новыми воспитателями и учителями. Среди них был швейцарский вольнодумец Фридрих Лагарп. И этот воспитатель, как и все прочие, был назначен императрицей без ведома Павла. Было очевидно, что престол не ему предназначался. С цесаревичем вовсе не считались. Но Павел не мог с этим примириться. В письмах к графу Н. П. Румянцеву его сетования похожи на вопль: «Тридцать лет без всякого дела!» Чтобы чем-нибудь занять себя, Павел стал настоящим гатчинским помещиком. В этом хозяйстве, однако, был свой стиль – «павловский стиль». Гатчина и Павловск – резиденции великокняжеской четы – остались до наших дней, несмотря на новые планировки и перестройки, памятниками эпохи Павла. В Павловске преобладал вкус Марии Федоровны, в Гатчине – Павла. Впрочем, муж и жена, по-видимому, искали художественного компромисса, и это выразилось в некотором эклектизме зодчества и интерьеров. В Павловске работали замечательные мастера – Кameron, Кваренги, Бренна, Скотти, Гонзаго, Баженов... Но Екатерина была скупа, когда денег просил Павел. Поэтому зодчие и художники были связаны экономией. От этого великолепные замыслы казались странными и смешными, как, например, псевдороманская крепость Бип. Зодчий Бренна по воле Павла построил в Павловске средневековую крепость с донжонном, с остроконечными башнями, со всеми грозными атрибутами воинственной эпохи, но эта постройка, благодаря своему малому масштабу, производит впечатление игрушечное и комическое. Бедный Павел! Будучи взрослым и зрелым человеком, он играл роль самодержавца в своем небольшом поместье, как мальчики играют, забавляясь ненастоящими крепостями и ненастоящими армиями.

И Павел создал в Гатчине свою особую армию. Сначала она состояла всего лишь из восьмидесяти человек. Ими командовал капитан Штейнверг, которому были известны все тайны и тонкости экзерцирмейстерства Фридриха II. Впрочем, с каждым годом эта игрушечная армия увеличивалась благодаря настойчивости Павла. Введена была та военная дисциплина, какая применялась в Пруссии. Вся эта затея напоминала Екатерине военные увлечения ее покойного супруга, но она не считала возможным отнять у Павла его забаву. Императрица не угадала в гатчинской армии той военной и политической идеи, которая надолго определила судьбу нашей государственности. Эта идея пережила безумного императора. Она пережила и самого вдохновителя этой идеи – Фридриха Великого, который умер в 1786 году. С ним Павел находился в постоянных сношениях вплоть до его смерти, о чем Екатерине неизменно доносили ее агенты.

Тысяча семьсот восемьдесят восьмой год был годом испытания для России. Нашему правительству пришлось вести две войны – с Оттоманской Портой и с Швецией. Павел решил просить Екатерину о позволении отправиться на театр военных действий. Императрица, боясь столкновения Павла с Потемкиным, не разрешила ему ехать в южную армию. Павел отправился на север, где немедленно поссорился с главнокомандующим Мусиным-Пушкиным. Ему только однажды удалось побывать под огнем неприятеля. Кампания окончилась для нас благоприятно. Павел был отозван Екатериной до окончания военных действий, ибо ему самому пришлось уведомить императрицу, что неприятельские генералы пытались вести с ним, Павлом, переговоры, минуя петербургское правительство. Этого, конечно, Екатерина не могла потерпеть.

О военных подвигах Павла Екатерина отзывалась насмешливо. Он даже не получил Георгиевского креста, на который он имел право рассчитывать.

Снова поневоле уединившись в Гатчине, Павел занялся формированием своей маленькой армии. Теперь у него было уже около двух тысяч солдат; были орудия; был даже игрушечный флот. Люди, правда, были живые, не игрушечные, но маршировали они, как заведенные автоматы. Одеты они были на прусский манер, все в париках с косами, усыпанными мукой. На улицах Гатчины стояли прусские полосатые будки. И на гауптвахтах наказывали солдат совершенно так же, как в Берлине – немилосердно и педантично. Зато кормили солдат изрядно, и офицеры не смели обижать нижних чинов зря, без нарушения дисциплины. Найти офицеру эту среднюю линию поведения – быть строгим и в то же время не давать повода для жалоб, на что все солдаты имели право, было не так-то легко. Воспитывался особый тип гатчинского служаки – покорного царского раба и жестокого фронтовика. Идеальным типом такого офицера был Алексей Андреевич Аракчеев, любимец Павла, злой гений Александра.

Надо представить себе лицо или маску Аракчеева, ибо сам Павел без этого спутника не вполне понятен и выразителен. В своих записках Н. А. Саблуков оставил для потомства портрет будущего временщика. «По наружности, – пишет мемуарист, – он походил на большую обезьяну в мундире. Он был высок ростом, худощав и жилист; в его складе не было ничего стройного, так как он был очень сутуловат и имел длинную тонкую шею, на которой можно было изучить анатомию жил и мышц. Сверх того, он странным образом морщил подбородок. У него были большие мясистые уши, толстая безобразная голова, всегда наклоненная в сторону. Цвет лица его был нечист, щеки впалые, нос широкий и угловатый, ноздри вздутые, рот огромный, лоб нависший. Наконец, у него были впалые серые глаза, и все выражение его лица представляло странную смесь ума и лукавства. Будучи сыном мелкопоместного дворянина, он был принят кадетом в кадетский корпус, где он настолько отличился своими способностями и своим прилежанием, что вскоре был произведен в офицеры и назначен преподавателем геометрии; но он оказался таким тираном в обращении с кадетами, что вскоре был переведен в артиллерийский полк»...

Оттуда он попал в Гатчину.

Павел полюбил его. Почему? Кажется, будущий император дорожил им прежде всего потому, что в этом верном рабе он чувствовал какую-то опору. В Аракчееве был какой-то трезвый реализм, которого не было в Павле. А «реализм» так был нужен безумному цесаревичу, который изнемогал в тщетной борьбе с призраками. Почти все мемуаристы говорят об этом бреде Павла. Так и Ф. В. Ростопчин в письме к графу С. Р. Воронцову говорит о том, что Павел постоянно не в духе, ибо голова его «наполнена призраками». Иностранцы также обращали внимание на странности великого князя. Сегюр, например, в своих мемуарах пишет: «Павел желал нравиться; он был образован, в нем замечалась большая живость ума и благородная возвышенность характера... Но вскоре, – и для этого не требовалось долгих наблюдений, – во всем его облике, в особенности тогда, когда он говорил о своем настоящем и будущем положении, можно было рассмотреть беспокойство, подвижность, недо-

верчивость, крайнюю впечатлительность, одним словом, те странности, которые явились впоследствии причинами его ошибок, его несправедливостей и его несчастий... История всех царей, низложенных с престола или убитых, была для него мыслью, неотступно преследовавшей его я ни на минуту не покидавшей его. Эти воспоминания возвращались, точно привидение, которое, беспрестанно преследуя его, сбивало его ум и затемняло его разум». Эти впечатления относились к 1785 году. Спустя четыре года, возвращаясь во Францию, где его ждали события Большой революции, этот дипломат провел в Гатчине у цесаревича два дня. Наблюдательный француз заметил в Павле те противоречия, которые изумляли и других современников, – любезность, остроумие, образованность и в то же время высокомерие, небрежность, деспотизм и, главное, мнительность, похожую на болезнь души. Француз угадал и причину этой душевной неуравновешенности Павла. Цесаревич изнемогал от страха. «Печальная судьба его отца пугала его, он постоянно думал о ней, это была его господствующая мысль...»

VI

Павел внимательно следил за тем, что происходило во Франции. Когда в 1789 году он узнал о разрушении Бастилии, о «Декларации прав человека и гражданина», о походе черни на Версаль, его разум отказывался верить в реальность этих событий. Не дурной ли это сон? Еще так недавно он сидел в Версале за интимным ужином с Людовиком и его женой, которую буйные парижане называют теперь подлой австриячкой. Павел живо представил себе этого застенчивого и, как ему казалось, добродушного человека, с большим носом, полными губами и короткой шеей, о котором ораторы говорили теперь как о тиране. И эта Мария-Антуанетта! Он вспомнил почему-то, как она произносила французские фразы с едва заметным немецким акцентом... И эта женщина, оказывается, – предмет ненависти всей нации. В чем дело? Правда, в воображении Павла предстала тотчас же толпа голодных оборванцев, которую он видел однажды около Пале-Рояля и которая показалась ему дикой и страшной, но эти санкюлоты, вероятно, сами виноваты в своей нищете. Добрая половина их – порочные пьяницы. Во всяком случае, не лилии Бурбонов повинны в нищете народа. Впрочем, Павел не мог уже рассуждать последовательно и здраво. Ему казалось, что дело вовсе не в банкротстве страны, не в нищете, не в привилегиях, а в чем-то ином. Восстали темные дьявольские силы, которые посягают на священное право монархов. Об этих таинственных прерогативах верховной власти было обстоятельно и убедительно написано в масонских книгах, которые он получал от Плещеева, Панина, прусского принца Генриха, шведского короля Густава III и прочих магистров и мастеров братства. Но теперь до Павла дошли странные вести, которые сводили его с ума. Ему стало известно, что будто бы страшные якобинские клубы инспирированы были масонами. В чем смысл и тайна этих безобразных противоречий? Не стал ли он сам и его коронованные друзья жертвой адской интриги? Может быть, масоны руководятся теми же правилами, что и последователи святого Игнатия Лойолы, которые не брезгают всякими средствами для своей единой цели. Масоны внушили Павлу, что христианская церковь отстала от просвещенного века, что религиозные истины хранятся в тайном учении, которое мудро согласуется с духом времени, что он, Павел, как будущий самодержец, выше епископов и соборов. Эта идея нравилась Павлу. Но вот, однако, всемогущие масоны не могут или не хотят спасти державного Бурбона. Значит, им все равно – монархия или якобинская власть, только бы уничтожить страшную соперницу – церковь. Надо или убить ее вовсе, как хотят якобинцы, или поставить над ней иную, самодержавную императорскую власть и лишить ее свободы. Так бредил Павел.

Совсем по-иному рассуждала Екатерина. Эта поклонница Вольтера, эта холодная разумница вовсе не склонялась к романтическим бредням, не интересовалась таинственным смыслом событий. Ей не приходило в голову отрицать революцию по существу. В самом деле, не сама ли императрица весьма трезво и точно толковала о правах человека? Какие там высокие санкции, когда не только земные, но и небесные святые пора сдать в архив! Такой способ рассуждать никак не мог понудить Екатерину противопоставлять что-либо принципиальное революционным идеям. Зато у нее явились в душе серьезные аргументы против революции в плане практическом. Ей решительно не пришлась по вкусу якобинская тактика. Она вдруг сообразила, что идеи идеями, но, как она любила выражаться, «своя сорочка ближе к телу». Одним словом, если Бурбонам надо пасть, пусть падут, а ей, русской царице, есть еще соблазн поцарствовать. У нее возражения были тактические. Революция, мол, уместна при известном уровне цивилизации, при условии, если абсолютизм оказался непросвещенным и упрямым, но в России все наоборот: правительство весьма просвещенное, а парод еще не успел прочесть энциклопедистов и не заинтересовался Руссо. Надо сначала его обучить по-

французски, но, к сожалению, для этого не хватает парижан и денег. И она раздавала тысячи и десятки тысяч этих неучей своим любовникам.

«Пугачеву я дала хороший урок, – думала она, – он из могилы не встанет. Авось в мое царствование второй не явится».

Однажды, когда Павел в ее присутствии, читая французские депеши, воскликнул в негодовании: «Я бы давно все прекратил пушками!» – Екатерина спокойно заметила: «*Vous etes une bete feroce!*. Или ты не понимаешь, что пушки не могут воевать с идеями?»

Это было сказано, по-видимому, с совершенной искренностью и полной убежденностью.

Она была убеждена, как Робеспьер, что истина вся целиком открыта примерно к середине XVIII века. Они разошлись только в практическом применении этой истины. Прозрачный и простой ум Екатерины естественно отвращался от всего туманного, неопределенного и загадочного. Ей не хотелось вникать в глубокомыслие мартинистов, и она не старалась понять их цели, быть может, не таких уже далеких от целей якобинцев, несмотря на различие их тогдашнего пути. Ей нужны были ясные формулы, вразумительные для всех. Влечение Павла к масонству уже само по себе могло внушить ей враждебные чувства. Она не догадывалась, что ее любимец, ее внук Александр, которого она прочила в наследники престола, значительную часть своей жизни посвятит впоследствии тому самому учению, которое очаровало Павла и которое Екатерина высмеивала в своих комедиях. Этот юноша, красивый, способный к наукам, не лишенный грациозного ума, а главное, умеющий пленять сердца с отроческих лет, однако вынужденный делить свои чувства между двором Екатерины и «гатчинским семейством», – этот обольстительный юноша был, как точно о нем сказал Пушкин, – «в лице и в жизни арлекин». Екатерина не заметила в характере Александра этой двусмысленности, а иногда и странного коварства, ему свойственного.

В 1793 году, когда женили Александра, Екатерина на тайном заседании ближайших к престолу вельмож решительно поставила вопрос об устранении Павла от короны. В совете нашлись упрямцы, которые помешали единогласному решению этой нелегкой задачи. Пришлось отложить это дело. Но императрица нисколько не поколебалась в своем мнении. Этому предшествовал в 1792 году арест Новикова и его товарищей масонов. Екатерина узнала о сношениях друзей Новикова с Павлом, которые начались еще в 1787 году. Она знала, что знаменитый зодчий Баженов по поручению московских мартинистов имел свидания с Павлом и снабжал его книгами и документами. Если бы не эта связь с Павлом, может быть, Новикову не пришлось бы сидеть в том самом каземате Шлиссельбургской крепости, где был убит Иоанн Антонович. В указе от 1 августа 1792 года по поводу связи Новикова с Павлом сказано было: «Они (розенкрейцеры) употребляли разные способы... к уловлению в свою секту известной по их бумагам особы, – в сем уловлении так, как и в помянутой переписке, Новиков сам признал себя преступником». Насколько Павел был «уловлен» Новиковым, мы не знаем. Мы не знаем также, когда именно Павел был «посвящен», однако едва ли можно сомневаться в том, что он был посвящен. В шведском королевском замке, в галерее коронованных масонов, имеется между прочим портрет Павла, украшенный эмблемами розенкрейцеров.

Для устранения Павла от престола необходимо было согласие на это Александра, и Екатерина старалась обеспечить это согласие, но уклончивый молодой человек вел себя так загадочно, что императрица не вполне была уверена в успехе своего предприятия. Она обращалась даже с этой целью к Лагарпу, но добродетельный швейцарец не пожелал быть орудием императрицы. В начале 1795 года он получил отставку. Уезжая, он добился свидания с Павлом, который считал его якобинцем. Лагарп постарался внушить ему доверие к

сыну. Между Павлом и Александром неожиданно для Екатерины установились некоторые сочувственные отношения. Этот «ангел» оказался довольно ревностным служакой гатчинской кордегардии. Можно даже говорить, что Александр был не двулик, а многолик: он был в молодости и якобинцем, и гатчинским экзерцирмейстером, и сентиментальным мечтателем, и хитрым дипломатом...

Павел чувствовал, что кольцо враждебных ему сил становится все уже и уже. Людей к нему доброжелательных или удаляют, или сажают в крепость, или стараются восстановить против него. Милый мальчик Александр как будто чувствует в нем отца, но что-то непонятное и жуткое в глазах этого юноши. Ложе шестидесятилетней императрицы делит теперь Зубов. Этот негодяй, не обладая способностями Потемкина, распоряжается государством, как своим хозяйством. Екатерина вовсе не скрывает своего намерения лишить Павла его права на престол. Она даже предложила Марии Федоровне убедить мужа в необходимости отречься от власти и требовала, чтобы она подписала документ об отстранении Павла от короны. Растерявшаяся великая княгиня не посмела даже открыть Павлу этого страшного в ее глазах умысла. Но после смерти царицы Павел нашел этот документ в бумагах матери и заподозрил свою жену в предательстве.

Павел жил, как затравленный зверь, всегда готовый к гибели, но все еще не утративший надежды на власть. Чем менее было оснований для этой надежды, тем мучительнее жаждал он этого ускользающего от него самодержавия.

VII

В ночь с 4 на 5 ноября 1796 года Павлу неоднократно снился сон, который тревожил его суеверное сердце. Ему снилось, что некая незримая и сверхъестественная сила возносит его кверху, и он каждый раз просыпался в смятении. Заметив, что Мария Федоровна не спит, он рассказал ей свой сон, и она в свою очередь призналась, что и ей снится тот же самый сон несколько раз.

Перед обедом Павел рассказал за столом Плещееву и другим об этом сне, который казался ему многозначительным. Все молчали, зная странности Павла и причуды его воображения. В три часа прискакал в Гатчину граф Зубов. Он явился к Павлу бледный, испуганный и подобострастный. С Екатериной случился апоплексический удар. Предусмотрительный граф Н. С. Салтыков послал еще раньше к Павлу офицера с известием об ударе, постигшем царицу, но Зубов опередил его. В четыре часа цесаревич уже поскакал в Петербург в Зимний дворец. Здесь всем руководил Салтыков, никого не допуская к умирающей императрице, которая, впрочем, лишившись языка, едва ли могла бы сделать какие-нибудь неожиданные распоряжения.

В Петербург Павел прибыл вечером. По дороге он встречал длинную вереницу курьеров, которые мчались к нему в Гатчину: все спешили известить Павла о новой его судьбе.

В Софии он встретил Ф. В. Ростопчина и обрадовался ему. Около Чесменского дворца Павел вышел из кареты. Он еще плохо соображал смысл события. Там, в Гатчине, когда ему сообщили о неожиданном приезде графа Зубова, он был в ужасе, предполагая, что тот приехал его арестовать. До Павла в это время дошли слухи о намерении Екатерины заточить его в замке Лоде. И теперь, когда выяснилось, что Екатерина умирает, он боялся поверить этой вести, от которой зависела вся его жизнь. Была тихая, слегка морозная лунная ночь. Павел смотрел на летучие облака, которые то закрывали луну, то снова, летя куда-то, оставляли ее без покрова, нагую и таинственную.

Ростопчин увидел, что Павел плачет. Нелепый курносый нос и безумные глаза были устремлены на луну. Этот сорокадвухлетний человек вдруг почувствовал, что он жалок и ничтожен, что это лунное небо, снежный саван земли и безмолвие – все исполнено тайной мудрости и ему, Павлу, не разгадать этой тайны никогда. Ростопчин схватил Павла за руку, забыв этикет, и пробормотал: «Государь, как важен для вас этот час!» Павел очнулся. Он вошел в роль цесаревича, готового принять власть, и сказал что-то подходящее к случаю и торжественное. Потом они сели в карету и поскакали дальше.

В Зимнем дворце Павла встретили сыновья – Александр и Константин. Они были в гатчинских мундирах, и это было приятно Павлу. Он тотчас же прошел в спальню к императрице. Грузная, распухшая, она лежала неподвижно, с помутившимися глазами. Редкие хрипы вырывались из груди старухи. Императрицу долго не могли перенести на постель, потому что не хотели пускать в спальню посторонних, а камеристки не в силах были поднять с полу это жирное, тяжелое тело.

Павел расположился в угольном кабинете рядом со спальней императрицы, и являвшиеся к нему должны были проходить через спальню, где лежало тело.

Одним из первых явился Аракчеев. Он был весь забрызган грязью, и Александр повел его к себе, дал ему свою рубашку, которую этот раб свято хранил до конца своих дней. В приемных дворца толпились гатчинцы. Изнеженные вельможи, избалованные гвардейцы шепотом перебрасывались французскими фразами, делясь впечатлениями от этих незнакомцев, которые в своих прусских мундирах, стуча огромными сапогами, расхаживали по залам, как завоеватели.

На рассвете 6 ноября Павел вошел в спальню Екатерины и спросил дежурных медиков, есть ли надежда на выздоровление. Надежды не было. Самодержавная царица умирала. Ростопчин привел к Павлу графа Безбородко, который знал тайну престолонаследия. Существует рассказ, будто хитрый граф, разбирая с Павлом бумаги Екатерины, молча указал на пакет, перевязанный лентой. Через минуту пакет пылал в горящем камине. Павел стал императором. Безбородко вскоре был осыпан милостями чрезвычайно щедрыми.

Когда Павел сжигал в камине документ об отстранении его от престола, императрица еще дышала. В камер-фурьерском журнале сказано, что страдания ее величества продолжались непрерывно – «воздыхание утробы, хрипение, по временам извержение из гортани темной мокроты...». Наконец из ее горла вырвался последний вопль, и она умерла. По словам Ростопчина, все тотчас же бросились «разыгрывать безумную лотерею безумного счастья».

Крестьяне, вопреки мнению некоторых историков, отнеслись к смерти Екатерины с полным равнодушием, и не мудрено: в ее эпоху крестьянская жизнь характеризуется лучше всего пословицей: «Босоты да наготы изнавешены шесты, а холоду да голоду амбары стоят». В ее царствование крепостное право достигло пределов своего развития.

Но знать и дворяне, избалованные императрицей, искренне оплакивали покойницу. Им казалось чудовищным, что Павел, не щадя ее памяти, повелел извлечь из могилы останки Петра III и перенести их из Александро-Невского монастыря в соборную Петропавловскую церковь. Из ветхого гроба было вынуто тело некогда бесславно умерщвленного царя и положено в новый, богатый гроб. Павел лобызал истлевшие кости своего родителя и приказал сделать то же своим детям. 25 ноября император короновал мертвеца. Он сам вошел в царские врата, взял с престола корону и, сначала возложив ее на себя, потом увенчал ею костяк Петра III. Вся гвардия стояла шпалерами, когда 2 декабря везли гроб из Невского монастыря в Зимний дворец, и Павел, тонко и страшно издеваясь, повелел Алексею Орлову нести за царским гробом корону задушенного им императора.

Первые распоряжения и приказы нового императора касались масонов, гонимых при Екатерине. Императрица еще дышала, а Павел уже послал фельдъегеря к удаленному от двора А. Б. Куракину. Немедленно, приняв власть, Павел отдал приказ об освобождении Новикова из крепости. С И. В. Лопухина был снят надзор. Н. Н. Трубецкой и И. П. Тургенев вернулись в столицу. Возвращен был из Сибири Радищев. Князь Н. В. Репнин произведен был в фельдмаршалы на третий день по воцарении Павла.

Павел, по-видимому, не верил, что Французская революция готовилась при участии масонов. Коронованные розенкрейцеры не были, очевидно, посвящены в планы, о которых рассказал Баррюэль, если надлежит верить его рассказам. Как бы то ни было, мы не можем сомневаться в яростной ненависти Павла к якобинцам. Ему мерещились цареубийцы. Судьба Капета и его жены не давала ему спать. Ему противны были даже французские моды, и он поспешил запретить круглые шляпы и фраки. Градоначальник Архаров, как будто желая выставить Павла в смешном виде, отрядил двести полицейских чинов, которые в Петербурге срывали с прохожих якобинское платье. Приказано было всем, даже дамам, выходить из экипажа при встрече с императором, и это наводило ужас на все население столицы. На первом плане у нового самодержца был вахтпарад.

Все эти анекдоты тщательно записывали мемуаристы, почти все, впрочем, так или иначе обиженные новым властелином. Началось четырехлетнее царствование Павла.

Авторы воспоминаний и дневников записывали то, что они видели и слышали, но они руководствовались при этом своими симпатиями и враждой. Когда перечитываешь эти длинные обвинительные акты, предъявленные Павлу его современниками, изумляешься жестоким причудам самодержца. Но жизнь государства не зависит от одного человека, даже облеченного неограниченной властью. Мнимый самодержец подчинялся фатальному ходу событий, не замечая, что судьба играет им, как он в детстве играл мячом. Тысячи незримых

сил влияли на Павла, и он тщетно пытался уверить себя, что он управляет народом самодержавно. От его прихотей зависели иногда те или другие лица, но общий поток жизни он не в силах был остановить или произвольно направить по другому руслу.

Павел верил, что он, самодержец, не связан ни с какой партией, ни с каким сословием. Вопреки екатерининской традиции, он не опирался на дворянство и гвардию. По его представлению, все сословия равны. Нет привилегированных. Он однажды сказал: «В России велик только тот, с кем я говорю, и только пока я с ним говорю». Павел успел лишить дворян некоторых их правовых преимуществ. При нем местное дворянское самоуправление подверглось стеснениям. Зато было приостановлено дальнейшее развитие крепостного права и даже сделана попытка его ослабить. Барщина была ограничена тремя днями в неделю. Это было первое умаление помещичьих прав, важное принципиально, но не имевшее практических последствий. При Павле было запрещено продавать дворовых людей и крестьян без земли с молотка. Однако сам Павел успел раздать немало крестьян своим любимцам, полагая, что частновладельческим крестьянам легче живется, чем крестьянам государственным. Его внешняя политика всецело зависела от сложных международных отношений. Ему приходилось иногда жертвовать своим самолюбием, подчиняясь требованиям обстоятельств. Он делал вид, что он сам желает и может направлять государственный корабль по определенному пути. На самом деле корабль плыл по воле непонятных сил.

Павел хотел вести политику невмешательства в дела Европы, но он был вынужден вступить в 1799 году в коалицию Англии, Австрии, Турции и Неаполя против Франции. Он не любил Суворова, и он был вынужден призвать гениального полководца для борьбы с французами.

При восшествии на престол Павел тотчас же обнаружил свое нерасположение к герою екатерининских войн. Суворов был водворен в своем нижегородском имении, и к нему был приставлен для надзора какой-то коллежский советник. В феврале 1798 года Павел вызвал Суворова в Петербург, желая, очевидно, с ним примириться, но из этого ничего доброго не вышло... Строптивый старик не спешил явиться к государю: он поехал на долгих, проселочными дорогами. Наконец состоялось его свидание с императором. Тщетно Павел намекал ему, что он не прочь воспользоваться его военными талантами. Суворов рассказывал про Измаил и Прагу, делая вид, что он не понимает сделанных ему предложений. На вахтпараде шутил и чудил, хотя Павел старался обратить его внимание на введенную им дисциплину. Суворов сказал генералам: «Не могу, брюхо болит», – и уехал, пренебрегая этикетом. Он явно издевался над новым обмундированием. Кривлялся на глазах Павла, застрял в каретной дверце, уверяя, что ему мешает шпага, прикрепленная на прусский манер. Не умея будто бы справиться с плоской шляпой, он ее уронил к ногам императора. Бегал и суетился между взводами, проходившими церемониальным маршем, вызывая мрачный гнев Павла. Наконец фельдмаршал получил разрешение снова покинуть столицу.

Ровно через год, однако, Павел по настоянию союзного венского кабинета вызвал Суворова из деревни, дабы поручить ему руководство армией. Генерал-фельдмаршалу Суворову объявлены были разные милости, и между прочим сам Павел возложил на него с подобающей церемонией большой крест святого Иоанна Иерусалимского. Немедленно Суворов отправился на театр военных действий.

Начались изумительные походы. Суворов в три месяца очистил всю Северную Италию от французских войск. Битва на реке Адде и трехдневная битва на берегах Требии вписаны в военную историю золотыми буквами. Несмотря на австрийское предательство, Суворов, вступивший в Швейцарию, разбил французов у Сен-Готарда, удивляя Европу своей неожиданной тактикой и стратегией.

Недовольный Австрией и Англией, Павел был вынужден порвать с коалицией. У него завязались переговоры с Наполеоном, которому он писал собственноручно, забыв, что он

якобинец и узурпатор. В 1800 году Павел отозвал нашего посла из Лондона, негодуя на небрежное и даже коварное отношение англичан к нашему корпусу, который действовал против французов в Голландии. Павел уже намерен был, по соглашению с Наполеоном, сделать военную демонстрацию против Великобритании, угрожая ее владениям в Индии. Донское казачье войско двинулось к Оренбургу. Многим этот поход казался прихотью самодержавного безумца.

VIII

Еще в 1785 году, когда Павел был престолонаследником и одиноко жил в опале, окруженный врагами, опасаясь всех и больше всего своей матери, его внимание привлекла к себе фрейлина его супруги Екатерина Ивановна Нелидова. Ей было тогда двадцать шесть лет, а Павлу тридцать. Нелидова была некрасива, однако еще на выпускном экзамене в Смольном она обратила на себя внимание многих своими способностями, остроумием, живостью характера и грацией в танцах. Екатерина поручила даже Левицкому написать ее во весь рост, танцующей менуэт. По знаменитому портрету и по другим, нам известным, легко себе представить эту прелестную дурнушку с японским разрезом глаз, с иронической и вместе нежной улыбкой на губах. В эту крошечную женщину с маленькими ножками влюбился будущий император.

У Марии Федоровны, этой красивой дамы с пышным станом, неглупой, образованной, добродетельной и набожной, явилась неожиданная соперница, смутившая семейное счастье великокняжеской четы. Мария Федоровна, плача, жаловалась даже Екатерине на увлечение Павла. Она, Мария Федоровна, знает, что отношения ее мужа к этой «маленькой» носят платонический характер, но неизвестно, чем все это кончится. Многоопытная любовница Екатерина подвела великую княгиню к зеркалу и сказала: «Посмотри на себя. Может ли с такой красавицей соперничать эта смешная дурнушка!» Но Мария Федоровна долго не могла успокоиться.

Уезжая на театр военных действий, на север, Павел оставил Нелидовой записку: «Знайте, что, умирая, я буду думать о вас». Эта нежная дружба, не омраченная грубой чувственностью, продолжалась четырнадцать лет. Несколько раз, тяготясь ревностью Марии Федоровны и сплетнями придворных интриганов, Нелидова удалялась от двора к себе, в Смольный, но эти разлуки продолжались недолго, потому что цесаревич скучал без своего крошечного друга. Тайна этой нежной связи была не только в том, что Павел восхищался остроумием и живостью характера Нелидовой, но и в том, что эта женщина полюбила его, Павла, бескорыстно и самоотверженно. Нелидова прекрасно видела все недостатки и пороки этого сумасбродного принца, но именно эта зоркая любовь, требовательная и откровенная, внушала Павлу доверие к его маленькой возлюбленной. Он пленен был ею, как женщиной, которая сумела сохранить свою власть над ним, не делая уступки его страсти. Сознавая свою силу, она несколько не боялась Павла, этого, по представлению многих, ужасного тирана. Однажды, когда Павел был уже императором, дежурный во дворце гвардейский офицер видел, как отворилась дверь из апартаментов фрейлины и оттуда поспешно вышел грозный император, а над его головой пролетел женский башмачок, упавший к ногам гвардейца. Через минуту вышла Нелидова и совершенно спокойно подняла утраченную ею в пылу гнева обувь.

Но, несмотря на подобные сцены, целомудренная связь Нелидовой и Павла никогда не была нарушена, хотя придворные сластолюбцы спешили истолковать эту связь весьма цинично.

Когда в 1790 году Павел серьезно заболел и думал о близкой смерти, он написал Екатерине такое письмо: «Мне надлежит совершить перед вами, государыня, торжественный акт, как перед царицей моей и матерью, акт, предписываемый мне моею совестью перед Богом и людьми: мне надлежит оправдать невинное лицо, которое могло бы пострадать, хотя бы негласно, из-за меня. Я видел, как злобаставляла себя судьей и хотела дать ложные толкования связи, исключительно дружеской, возникшей между m-lle Нелидовой и мною. Относительно этой связи клянусь тем судилищем, пред которым мы все должны явиться, что мы предстанем пред ним с совестью, свободной от всякого упрека как за себя, так и за

других. Зачем я не могу засвидетельствовать этого ценою своей крови! Свидетельствую о том, прощаясь с жизнью. Клянусь еще раз всем, что есть священного. Клянусь торжественно и свидетельствую, что нас соединяла дружба священная и нежная, но невинная и чистая. Свидетель тому бог».

Легко представить себе физиономию коронованной блудницы, когда она читала это послание Павла. Этот вопль безумного сердца казался ей сентиментальной глупостью, и, вероятно, в ее голове уже складывалась какая-нибудь новая комедия с каким-нибудь заглавием, казавшимся ей остроумным, – «Опекун девства» или что-нибудь в этом роде. В ее сознании не вмещался этот рыцарский бред. Ей казалось противоестественным просиживать целыми часами с своей возлюбленной в беседе о Паскале или о Фоме Кемпийском, не смея коснуться ее руки. Она, смеясь, вспомнила, вероятно, длинную вереницу своих храбрых любовников, которые не тратили времени на пустяки. И при этом Павел Петрович вовсе не был больным и бессильным человеком. Он успел народить многочисленное потомство, здоровое физически, и вообще был мужем, на которого не жаловалась Мария Федоровна, вовсе не склонная к аскетизму.

Нелидова оказывала влияние на Павла, но у нее не было никакой государственной программы, она, как любящая женщина, хотела охранять Павла от неосторожных и сумасбродных поступков, когда дело шло об отдельных людях или о каких-нибудь дворцовых и придворных делах, но она не могла противопоставить политическим идеям Павла ничего самостоятельного. Романтизм Павла даже импонировал этой чувствительной смольнянке.

Мария Федоровна наконец сообразила, что вовсе неразумно бороться ей с Нелидовой. Фаворитка Павла охотно пошла навстречу жене, потерявшей свои супружеские прерогативы. Обе женщины, искренне любившие Павла, заключили союз, стараясь оградить его от его подозрительной мнительности, похожей на манию преследования. Нелидова являлась постоянной ходатайницей за опальных. Ее способ воздействия на императора мог иногда показаться забавным. Пользуясь правами на известную фамильярность, она, чувствуя, что Павел готов наговорить гневные и несправедливые слова, дергала его за мундир, и это напоминало безумцу о необходимости сдерживать свои порывы.

Но влиянию Нелидовой положен был предел. Ее близость к Марии Федоровне, по-видимому, не нравилась Павлу. Нравственная связь с женой у него была порвана после того, как он узнал, что Екатерина хотела ее привлечь к делу устранения его, Павла, от престола. Нашлись клеветники, которые внушали мнительному императору, что Мария Федоровна не чужда честолюбия. К этому времени и супружеские отношения между ними были прерваны: врачи запретили государыне поддерживать близость с мужем, уверяя, что возможная беременность будет для нее на сей раз смертельна.

Павел, привыкший к женской любви, тяготился одиночеством. Придворные интриганы старались использовать его слабость. На коронационных торжествах ему указали на девятнадцатилетнюю Анну Петровну Лопухину, будто бы в него влюбленную. На ее портрете, написанном Боровиковским, она представлена красавицей брюнеткой. В ней не было, по-видимому, тонкого и острого очарования, какое было в Нелидовой. Это была, вероятно, страстная женщина, хотя, быть может, с несколько томной и сонной чувственностью, которая пробуждается не сразу, но, пробудившись, владеет сердцем до конца.

Сводником явился бывший брадобрей императора граф Кутайсов, который договорился с отцом красавицы сенатором Лопухиным, и все семейство переехало в Петербург в угоду сентиментальному и чувственному царю.

На этот раз Павел не был расположен к платоническим отношениям, и черноглазая красавица разбудила в нем страсть. Когда однажды его ухаживания стали слишком настойчивы, она расплакалась. Смущенный Павел спросил о причине этих слез, и Лопухина призналась ему, что у нее есть жених, князь П. Г. Гагарин, находившийся в то время в армии

Суворова. Павел, как рыцарь, немедленно предписал Суворову прислать под каким-нибудь предлогом Гагарина в Петербург. Князь приехал, привезя известие об очередной победе Суворова. Свадьба Гагарина и Анны Петровны Лопухиной была отпразднована при дворе с необыкновенной пышностью. Впрочем, рыцарские чувства Павла были непрочны. И Гагарин, по-видимому, не слишком был чувствителен к своей чести супруга. Красавица сделалась любовницей Павла незадолго до его смерти. Ей были отведены апартаменты во дворце.

IX

Трудно быть императором! Страшно быть самодержцем! Павлу хотелось иногда забыть о том, что он повелитель миллионов и что нет над ним никакой власти. Но как забыть? Вот разве пойти к княгине Гагариной, которая проста, слишком проста, и, кажется, не в силах уразуметь, что с нею делит ложе тот, кого сам Бог помазал на царство. Для нее Павел всего лишь возлюбленный и, к несчастью, чужой муж. Она его целует, а сама плачет, потому что он прелюбодей и она – прелюбодейка. Об этом она думает, а вот о том, что Павел ответит за судьбу России, она не размышляет вовсе. Об этом он думает один. И не с кем ему поделиться мыслями. В сущности, у самодержца и не может быть друга. Эти мысли сводили с ума императора. Самодержавие он понимал буквально. Он думал, что может управлять государством один. Он стоит в центре, и от него по радиусам исходят повеления. Начальники всяческих коллегий исполняют его волю. Их помощники передают дальше, в низшие инстанции все, что повелевают им свыше. При этом надо все делать незамедлительно. Скорей, скорей! Пусть мир узнает, как плодотворно самодержавие. Нельзя терять ни одного мгновения. Надо ввести поэтому железную дисциплину. Он так и сказал однажды: «Надо управлять железной лозой». После вахтпарада – экзекуции для зевак и лентяев. Солдаты роптали на эти порядки, но все-таки мирились с ними. Было утешение – хорошо кормили, одевали и, главное, – вся тяжесть дисциплины падала на офицеров. Это они – «потемкинцы», «якобинцы» – виноваты во всем. С них, екатерининских баловней, надо взыскивать прежде всего. Введено было своеобразное равенство – равенство бесправия.

Чем дальше от престола, тем спокойнее жилось российским гражданам. Император был беспощаден, если узнавал о злоупотреблениях власти. Боялись брать взятки. Судебная волокита стала легче. Грабеж населения чиновниками ослабел. Но столичные жители, особенно те, кто был причастен двору и гвардии, жили в непрестанном страхе строгого взыскания. Страна принадлежала ему, императору. Высшая сила поручила ему опекать Россию, и он, как отец, устанавливал порядок, мораль и быт. Никто не смел одеваться по своему вкусу, принимать гостей позднее известного часа; на улицах по ночам стояли пикеты полицейских, которые проверяли виды на жительство; город был как в осаде; цензура была дикая. Одно время ввоз иностранных книг был запрещен вовсе. Мимо дворца надо было проходить без шляпы, и обыватели бежали рысью по площади, когда зимний ветер леденил беззащитные головы. Во всех этих полицейских мерах виноваты были не менее Павла не по разуму ревностные исполнители царской воли. А иногда совершалось кое-что и против воли императора. Павел был противником смертной казни, однако на Дону казнен был полковник Грузинов, преданный Павлу. Об этом постарался, кажется, граф Палеи; были кошмарные случаи и в самом Петербурге. Так, например, лейтенант Акимов за эпиграмму на построение Исаакиевского собора сослан был в Сибирь, причем ему предварительно отрезали язык. Пастор Зейдер за то, что он держал у себя в библиотеке какие-то неразрешенные книги, был наказан кнутом. Некий штабс-капитан Кирпичников в мае 1800 года прогнан был через строй, и ему дали тысячу ударов шпицрутенами. Впрочем, при оценке этих фактов надо принимать во внимание нравы эпохи и вообще историческую перспективу. Шпицрутены были и до Павла и после него. Шпицрутены были и при «просвещенном абсолютизме» Фридриха Великого. Да и вообще власть имущие делали политику на Западе не в белых перчатках. Безумный император был не хуже иных здравомыслящих королей.

Вводя гатчинский порядок в гвардию, Павел беспощадно удалял неисправных офицеров, иногда отправлял их в ссылку прямо с парада. Офицеры шли на военные смотры, беря с собой деньги на случай внезапного ареста. От репрессий Павла пострадало несколько тысяч человек. В рассказах о режиме Павла были и тенденциозные преувеличения, например, зна-

менитый анекдот о ссылке целого полка, который будто бы был отправлен в Сибирь прямо с военного парада. Но и без этих анекдотов павловское время не было похоже на счастливую пастору ль, несмотря на сантименты государя и его возлюбленных.

Жить было страшно при Павле, но и самому Павлу страшно было жить. Восемь лет тому назад в Париже отрубили голову Людовику XVI. Павлу спится эта окровавленная голова. И это страшно. В самом деле, какая странная привилегия у королей: они всегда первые кандидаты на казнь. Только на долю счастливых выпадает казнь публичная и торжественная. Чаще их убивают где-нибудь тайно, и они умирают мучительно, бел покаяния... Что делать? Кто поймет страдания его, Павла? Прежде у него не было друга более близкого, чем жена, Мария Федоровна. Но теперь он знает, что эта женщина утаила от него намерение Екатерины лишить его престола. Не мечтает ли и она, как покойная императрица, завладеть короной мужа? Граф Пален, этот проницательный, слишком даже проницательный человек, намекал на это дважды. Его, Павла, могут отравить. Эти женские нежные руки как будто предназначены для того, чтобы вливать яд в стакан с вином. Хорошо, что теперь у него стряпуха англичанка, которой, кажется, можно довериться. Надо быть осторожным, однако. А сыновья? Нежный Александр и буйный Константин? Они – почтительны. Но он, Павел, помнит, как Саша еще отроком любил щеголять, прицепив к мундирчику трехцветную кокарду. Якобинец! Легкомысленная бабушка внушила своему любимцу безбожие, неуважение к авторитету, нелепые идеи о какой-то мнимой свободе... И почему знать, не честолюбив ли этот скромник. Не таится ли в душе этого вольнодумца развратная и подлая мысль об овладевании престолом. Ведь именно этого хотела Екатерина.

А эти пьяные, распутные, наглые, избалованные гвардейские офицеры, которые привыкли смотреть на государей как на своих ставленников? Разве можно быть уверенным в их преданности взыскательному и строгому императору? А близкие к царю вельможи, которые до сих пор не научились носить мундира по-гатчински и не забыли привилегий, которыми щедро их оделяла расточительная царица? Каждый из них ненавидит Павла. Лицемеры! И есть еще одна ужасная мысль. Они все думают, что он, Павел, сумасшедший. Когда к Зимнему дворцу по его приказу прибили ящик, куда всякий мог класть прошения на имя самого императора, и Павел собственноручно разбирал эти жалобы простецов, что находил он там, в этом ужасном ящике? Не находил ли он там рядом с воплями о поруганной справедливости карикатуры на самого себя? Не там ли он нашел ряд жестоких писем, где его называли безумным тираном, жалким идиотом, презренным чухонцем, намекая на то, что он вовсе не сын Петра III, что он незаконнорожденный, что он даже не сын Екатерины, а какой-то неведомый, подмененный кем-то в час рождения? Разве это не страшный кошмар? Так ведь, пожалуй, и в самом деле сойдешь с ума! И странно: все, что ему, Павлу, кажется прекрасным и мудрым, добродетельным и благородным, вызывает двусмысленные улыбки у этой придворной черни, которая толпится вокруг тропа и втихомолку смеется над монархом. Он, Павел, в 1798 году возложил на себя корону и регалии великого магистра Мальтийского ордена. Само провидение внушило ему взять под свое покровительство рыцарей Иоанна Иерусалимского. С тех пор как Мальтой овладели французские якобинцы, не прилично ли русскому самодержцу соединиться с верными защитниками христианства и рыцарских традиций? Но над ним все смеются. Даже аббат Жоржель иронизирует по поводу того, что русский император, явный схизматик, оказался вдруг магистром ордена, который признает папу главой церкви. Однако иезуитский патер Грубер понимает сердце монарха. Они вместе обдумали великий план для борьбы с революцией. Сам Пий VII извещал чрез своих агентов русского венценосца, что он не прочь заключить с ним союз дружбы и духовного единения. Какие всемирные перспективы! Какой гениальный замысел! По кругом жалкие глупцы, которые ничего не понимают в великих идеях. Кроме того, эти люди завидуют ему... Они не могут простить ему его духовной высоты. Они готовят ему месть. Они убьют его.

X

Михайловский замок стоит в нашей северной столице особняком, как Эскуриал в Мадриде; но стилю подобных ему зданий нет, но от него, однако, веет своеобразной и мрачной прелестью. Зодчий-масон Баженов сочинил план замка. Разработал этот план и воздвиг желанный Павлу дворец архитектор Бренна.

Сам император влиял на труды зодчих. Это здание проникнуто его меланхолией. Странное барокко исполнено неожиданной силы и суровой красоты. Замок был отделен от города лугом и рвами. Император торопил художников и мастеров. Ему надо было приготовить себе великолепную усыпальницу.

В замке был мрачный лабиринт зал, и лишь в конце этих пышных комнат находился кабинет и спальня императора. Здесь стояла статуя безбожника Фридриха II, а над узкой походной кроватью висел сентиментальный ангел Гвидо Рени. Все прочее было сухо и строго в этой келье. Роскошен был только письменный стол, который покоился на ионических колонках из слоновой кости, с бронзовыми цоколями и капителями. В спальне было несколько дверей. Одна, вскоре запертая Павлом наглухо, вела в покои императрицы. Была и потаенная дверь, ведущая вниз по винтовой лестнице в покои царской любовницы Гагариной.

Еще не просохли стены, когда император повелел двору переехать в полюбившийся ему дворец. «Ничто не могло быть вреднее для здоровья, как это жилище, – рассказывает Коцебу в своем описании дворца. – Повсюду видны были следы сырости, и в зале, в которой висели большие исторические картины, я видел своими глазами, несмотря на постоянный огонь в двух каминах, полосы льда в дюйм толщиной и шириной в несколько ладоней, тянувшиеся сверху донизу по углам». Темные лестницы и жуткие коридоры, в которых постоянно горели лампы, придавали дворцу вид страшный и таинственный. В нем легко было заблудиться. На площадках дул непонятный ледяной ветер. Везде были сквозняки. И двери хлопали неожиданно, наводя ужас.

Первого февраля императорская фамилия переехала в Михайловский замок, а на другой день был маскарад. Приглашено было три тысячи человек. Гости робко бродили по залам, пораженные необычностью обстановки, но трудно было оценить роскошь и великолепие убранства, потому что от холода, сырости и дымных печей все залы были наполнены синим туманом, и, несмотря на множество свечей, люди возникали из полумрака, похожие на привидения.

Император держал себя странно, пугая придворных неожиданностью своих заявлений. Впрочем, казалось иногда, что он сам худо понимает то, что происходит вокруг него. Кто он в самом деле? Самодержец или игрушка невидимых и враждебных сил? Главное – одиночество, томительное и ужасное. Некому верить. Все враги. Пришлось удалить в Москву Никиту Петровича Панина, который был когда-то близок ему. Разве мог он не удалить его, когда он слышал собственными ушами, как этот человек в разговоре с сыном Александром употребил слово «регентство»? Правда, он больше ничего не слышал. Но о каком регентстве шла тогда речь? Они считают Павла сумасшедшим, они хотят заключить его в крепость, они хотят объявить регентство! И этот кроткий вольнодумец Александр, баловень бабушки, с грустной улыбкой заточит его, Павла, в каземат. Дружба этого Панина с английским послом Вортвортом более чем подозрительна. Он даже явно стремился противодействовать политике императора, отказавшегося от союза с Великобританией. Этот человек не понял великой идеи Первого Консула, который скачал, что Россия и Франция созданы для того, чтобы управлять Европой. Жалкий, прозаический ум дипломата Панина не оценил гения Бонапарта. Но Павел протянет руку этому необыкновенному якобинцу, ибо дело идет на сей раз

о чудотворном умиротворении всей Европы. Они поделят мир – Бонапарт и Павел. Они, как братья, будут управлять земным шаром. И граф Панин был выслан из Петербурга.

Как жаль, что пришлось выслать также Аракчеева, этого верного раба. Жаль, очень жаль! Этот верный нес готов разорвать всякого, кто приблизится с враждебной целью к чертогам императора. Но все-таки пришлось выслать Аракчеева: он провинился по службе, старался спасти своего негодного родственника и свалил вину на другого, невинного. И Аракчеев сидел у себя в Грузине, не смея просить о помиловании. А как нужен сейчас этот верный раб!

Вот кто мил сердцу Павла – это юный принц Вюртембергский Евгений, который гостит в Петербурге. Издеваясь над законным наследником престола, Павел уже несколько раз говорил, что он, император, возведет юношу на такую высоту, которая удивит мир. Павел не знал, что его любовница Гагарина, не решавшаяся говорить ему о грозящей опасности, предупреждала об этом юного Вюртембергского принца. Она даже предложила ему укрыться у нее, Гагариной, если наступят страшные события. И не мудрено, что Гагарина догадывалась о возможном перевороте. Любовник ее матери, был в числе заговорщиков.

Весь Петербург знал, что существует заговор. Надо было выбрать человека умного, сильного, тонкого, смелого, находчивого и вручить ему власть для обеспечения государства и трона. Павел выбрал для этого графа Палена.

В руках графа Палена были сосредоточены решительно все нити государственного управления, а главное, ему был подчинен петербургский гарнизон и государственная почта. Он перлюстрировал письма. Он был вездесущ и всевластен. Заговор не мог бы осуществиться, если б он того не захотел. Но он захотел. Он помнил, как четыре года тому назад Павел послал ему выговор, именуя его действия подлостью. И он понимал, что нет никаких гарантий от новых оскорблений и какой-либо иной мрачный час. И он стал во главе заговора. К заговору присоединились многие, в том числе Орлов, Чичерин, Татаринов, князь Голицын, Талызин, Мансуров, Уваров, князь Яшвиль, Бенигсен, братья Зубовы.

Но этого было мало. Нужен был Александр. С ним уже вел переговоры Н. П. Панин, когда он еще не был выслан. Хитрец уверял его, что дело идет о регентстве. Ведь управлял же Великобританией принц Уэльский, когда заболел Георг III; ведь было же регентство в Дании при Христиане VII. Россия гибнет, ибо государь заболел душевно. И Александр поверил.

В качестве регента он предоставит отцу его любимый Михайловский замок. Павел не почувствует заточения. Там можно будет устроить гипподром. Он будет кататься верхом по парку. В театре для его развлечения будут даваться спектакли. В его распоряжении будет прекрасная библиотека... Сам бы Александр согласился на такое уединение.

Утром 7 марта в кабинет Павла вошел с рапортом о положении столицы граф Пален. Император рассеянно слушал доклад. Потом он спросил:

– Господин Пален, где вы были в тысяча семьсот шестьдесят втором году?

– Я был в Петербурге, государь.

– Итак, вы были здесь?

– Да, государь. Но что вы хотите сказать, ваше величество?

– Вы участвовали в революции, когда моего отца лишили трона и жизни?

– Я был, государь, только свидетелем, но сам не действовал. Я был очень молод. Я служил в гвардии унтер-офицером... Но почему вы задаете мне этот вопрос, ваше величество?

– Почему? Да потому, что хотят повторить тысяча семьсот шестьдесят второй год...

И глаза Палена встретились с глазами императора.

– Да, государь, этого хотят... И я сам в заговоре.

Павел удивился, но, кажется, не очень. Все было так странно и безумно, что еще что-то новое, непонятное и страшное не слишком поразило воображение Павла. Может быть, так

надо, чтобы заговорщики вдруг сообщали откровенно своей жертве о намерении ее убить. Однако Павел решился спросить:

– Вы в заговоре тоже? Что это значит, господин Пален?

Пален обстоятельно стал объяснять угрюмому императору, что он, Пален, сосредоточил в своих руках все нити заговора и скоро все разоблачит и всех арестует. Пусть только император не мешает ему исполнить задуманный план.

Павел смотрел на вельможного провокатора и думал о том, что негодяя надо арестовать прежде всех. Он, Павел, знает, кто сумеет арестовать этого всемогущего царедворца. Такой человек есть. Это – Аракчеев. Надо послать ему письмо с повелением немедленно охотиться в столицу. Павел не знал, что письмо будет перлюстрировано Паленом, что будет отдан приказ задержать Аракчеева у заставы.

– Ступайте, господин Пален, и будьте ко всему готовы.

Когда граф ушел, Павел со страхом оглядел свой кабинет. Дверь к императрице наглухо заперта. Эта изменница не ворвется к нему с кинжалом. У других дверей верные гайдуки. Во дворе кордегардия. Везде караулы. Надежны ли эти караулы? Неизвестно, что у них в головах, у этих якобинцев. На днях, он зашел к сыну Александру. Цесаревич читал вольтерровского «Брута». Ага! Вольтерьянец! Ага! Якобинец! Тебе нравится, что цезарь убит. Ты забыл, негодный, участь царевича Алексея Петровича. Не всегда убивают цезарей. Иногда убивают и непокорных, восставших против помазанников божьих! В воскресенье 10 марта в замке был концерт. Павел был рассеян и мрачен. Все безмолвствовали, не смея поднять головы. Перед выходом к вечернему чаю распахнулись двери, появился Павел, подошел, тяжело дыша, к императрице, остановился перед нею, скрестив руки и насмешливо улыбаясь; потом с той же гримасой он подошел к Александру и Константину. За чаем была гробовая тишина. Потом император удалился, не прощаясь.

Даже на улицах Петербурга было мрачно и жутко. Все принимали друг друга за шпионов. Разговаривали шепотом. После пробития зори, в 9 часов вечера, по большим улицам ставились рогатки и пропускались только врачи и повивальные бабки.

За несколько дней до события Павел катался верхом по парку. Погода была туманная. Солнце уже давно не заглядывало в Петербург. Вдруг Павел обернулся к сопровождавшему его обер-штальмейстеру Муханову и стал жаловаться на удушье.

– Как будто меня кто-то душит, – сказал император, – я едва перевожу дух. Мне кажется, я сейчас умру.

– Это от сырой погоды, – сказал Муханов, почему-то дрожа. – Это, государь, иногда бывает, когда туман...

Утром 11 марта патер Грубер, единственный человек, который входил к императору без доклада, принес свой проект о соединении церквей. Это была последняя редакция, которую Павел должен был утвердить. Граф Пален загородил дорогу патеру и властно потребовал, чтобы он подождал. Войдя в кабинет к Павлу, он так утомил Павла длиннейшими докладами, что тот отложил свидание с иезуитом. Надо было ехать на развод. Соединение церквей пришлось отсрочить надолго.

В этот день Александр и Константин вторично приносили присягу императору. Они были под арестом и не знали своей дальнейшей судьбы. Однако к вечеру их пригласили к императорскому столу. Павел развеселился. Он громко говорил и шутил. Он несколько раз заговаривал с сыном Александром. А тот сидел, бледный и молчаливый, опустив глаза вниз.

Взглянув в зеркало, император сказал Кутузову:

– Какое смешное зеркало. Я себя вижу в нем с шеей на сторону.

После ужина вместо обычного приветствия Павел неожиданно сказал:

– Чему быть, того не миновать!

Вечером 11 марта состоялось последнее собрание заговорщиков. Пален и Бенигсен, руководившие собранием, были трезвы и знали, что делают. Но они охотно угощали вином гвардейцев. Шампанское рекой лилось на этой мрачной попойке. Предполагалось, что тиран подпишет отречение от престола. Кто-то сочинял даже конституционные «пункты». Но этим не очень интересовались. Надеялись, что легко будет поладить с молоденьким Александром. Кажется, не все понимали, что, собственно, готовится. Объединяла ненависть к самовластному императору, который посмел сказать, что в России тот вельможа, с кем он, Павел, разговаривает и пока он с ним разговаривает. В чад попойки какой-то молодой человек вдруг громко спросил: «А что делать, если тиран окажет сопротивление?» Пален тотчас же ответил французской пословицей: «Когда хочешь приготовить омлет, надо разбить яйца». Все засмеялись, впрочем, не очень весело. И снова захлопали пробки от шампанского.

Командиры Семеновского и кавалергардского полков привели своих солдат. Талызин привел батальон преображенцев. Солдаты не знали точно, куда и зачем их ведут, но догадаться не так уж было трудно.

Пален предложил разделиться на два отряда и с двух сторон подойти к замку. Одним отрядом командовали Бенигсен и Зубов, другим – сам Пален.

Ночь была холодная. Моросил дождь. Когда заговорщики вошли в Летний сад, сотни ворон поднялись со старых лип, оглашая туманную ночь зловещим карканьем.

Гвардейцы остановились, страхась идти дальше; Зубов пристыдил солдат. Они-де идут защищать цесаревича Александра, которому грозит беда. Александра любили солдаты за кроткий характер. Отряд двинулся дальше. Перешли замерзшие рвы.

Преображенский адъютант, состоявший в охране замка, без труда провел наговорщиков. Когда они очутились перед покоями императора, дежурные гайдуки-гусары попробовали не пустить ворвавшуюся банду. Одного из них ранили, другой убежал и поднял тревогу. Солдаты на карауле заволновались, но офицер-заговорщик пригрозил шпагой, и восторжествовала павловская дисциплина: солдаты повиновались командиру. Пока отряд шел по коридорам и лестницам замка, некоторые из заговорщиков отстали и заблудились в дворцовом лабиринте. Немногие ворвались в спальню императора. Тут были Платон и Николай Зубовы и Бенигсен. Пален со своим отрядом куда-то исчез. Это промедление, хитрое и коварное, было, разумеется, не случайно.

Когда заговорщики вошли в царскую спальню, Платон Зубов бросился к кровати. Она была пуста. Все озирались, недоумевая. Кто-то подошел к ширме и отодвинул ее. За нею стоял босой, в ночной рубашке, император. Блестящие и страшные глаза были устремлены на этих непонятных ему теперь людей, в орденах и лентах, со шпагами в руках. Бенигсен сказал, стараясь не смотреть на белое, как у Пьеро, лицо Павла:

– Государь, вы перестали царствовать. Александр – император. По его приказу мы вас арестуем.

В это время ворвалась в спальню новая толпа отставших офицеров. Пока Павел стоял недвижно, никто не смел его коснуться. Один из братьев Зубовых, совсем пьяный, решился заговорить с ним. Заплетающимся языком он стал упрекать в чем-то Павла, называя его тираном. Павел, перебив его, вдруг заговорил:

– Что вы делаете? За что?

Его голос, раздражавший их, знакомый голос, к которому офицеры привыкли на вахт-парадах, тотчас же пробудил у всех страсти. Толкая друг друга, офицеры окружили императора. Кто-то коснулся его руки. Павел брезгливо ее оттолкнул. Это было началом конца. Николай Зубов ударил императора в висок тяжелой табакеркой. Павел бросился в угол, ища оружия. На него зверски набросился пьяный князь Яшвиль. Павел закричал, защищаясь. Тогда все, в кошмаре хмеля, опрокинули императора на пол. Кто-то схватил шарф и, накинув

петлю, затянул ее на шее самодержца. Бенигсен подошел к Павлу, когда он уже не дышал. Император лежал недвижно, с изуродованным и окровавленным лицом.

Когда весть о смерти императора Павла разнеслась по городу, обывательская жизнь мгновенно изменилась. Сняты были рогатки повсюду; появились кавалеры в запрещенных круглых шляпах и жилетах; пышные выезды цугом с гайдуками загревели по улицам. Знать и дворяне ликовали. Все почувствовали, что ожил потемкинский и екатерининский дух, ненавистный убитому императору.

Мемуаристы пишут, что ликовали все сословия и классы. На самом деле это было не так. Ликовали привилегированные. Народная, крестьянская масса была равнодушна к смерти Павла. Мужикам при Павле жилось так же трудно, как и при Екатерине, как впоследствии при Александре и Николае. Мужикам жилось худо, но не хуже, чем до Павла или после него. Час крестьянской России еще не пробил. На сцене истории господствовало дворянство. Это они, дворяне, оставили нам свои пристрастные записки об императоре. Крестьяне тогда еще не писали своих дневников, и мы знаем их мнения лишь по случайным рассказам и живому преданию.

Мы знаем, что крепостные возлагали на царя особые надежды, оказавшиеся, правда, тщетными. Мужики поняли, что Павел не расположен к дворянству. Это давало повод рассчитывать на изменение крепостной зависимости, но расчеты эти оказались неверными.

Отказавшись от екатерининской политики по отношению к привилегированным, Павел не посмел или не успел опереться на крестьян. Лично он старался проявить к ним благожелательность, о чем свидетельствуют многочисленные документы, но это «народолюбие» Павла не шло дальше частных случаев. Он принимал меры во время голода, отправляя в голодающие губернии сенаторов «насытить голодных»; он делал попытки к оздоровлению сельского населения, посылая на места врачей; он неоднократно разрешал в пользу крестьян дела о «тиранстве» помещиков, карая насильников... Но во всех этих действиях не было единого и последовательного плана.

В народе со времен Пугачева бродила мысль о том, что Павел будет крестьянским царем. Эта идея укрепилась, когда при восшествии на престол он повелел впервые привести к присяге крестьян, подчеркивая то, что они прежде всего граждане. Отмена рекрутского набора, объявленного Екатериной незадолго до ее смерти, возбудила в мужиках новые надежды на облегчение их участи. Даже складывалась легенда о том, что государь Павел не прочь освободить крестьян, но мешают помещики. Летом 1797 года крестьянин Владимирской губернии Василий Иванов сказывал: «Вот сперва государь наш потявкал, потявкал, да и отстал, видно, что его господа переодолели». В этом выразительном замечании была доля истины. Император был бессилен совершить социальную и правовую реформу, потому что крепостное хозяйство, хотя и достигло в своем развитии предела и должно было неизбежно клониться к упадку, поддерживалось, однако, объективными экономическими и культурными условиями эпохи, тогда еще непригодными для новой формы землеиспользования.

За четыре года царствования Павла было издано и несколько законодательных актов и указов с целью обеспечения крестьянам достаточного земельного надела, но эти попытки упорядочить крестьянскую жизнь или вовсе не осуществлялись реально, или не достигали своей цели. Экономический и социальный процесс, который в конце концов, спустя шестьдесят лет, заставил правительство освободить крестьян, тогда еще только начинался.

В Петербурге однажды на разводе крепостные подали Павлу челобитную, где они требовали свободы от помещиков. Челобитчики за то, что действовали «скопом», были жестоко наказаны. Эта расправа не возмещала распространяться слухам об отмене крепостного права. Были случаи возмущения и неповиновения крестьян помещикам в Вологодской, Тверской, Псковской, Новгородской, Пензенской, Орловской, Калужской и Новгород-Северской губерниях. Бунты умирлялись довольно легко и, за редкими исключениями, без суровых

репрессий. Однажды, впрочем, для подавления мятежа пришлось послать генерал-фельд-маршала Репнина. Крестьяне во всем винили дворян, а по Павла. У них не было основания питать к нему расположение, но и для прямой ненависти он не давал повода. Равнодушие народа к смерти Павла сказалось между прочим устами того гвардейца, который ходил смотреть тело покойного царя, дабы убедиться, что он действительно умер. «Да, крепко умер, – сказал он. – Лучше отца Александру не быть. А впрочем, нам что пи поп, то батька».

У народа к Павлу не было ни любви, ни ненависти. В судебных делах павловского времени встречаются, впрочем, отзывы об императоре весьма непочтительные. Мужички именовали его то «плешивым дураком», то «курносим царишкой», то, наконец, почему-то «гузноблудом».

Правовое и хозяйственное положение крестьян при Павле почти не изменилось по сравнению с екатерининской эпохой, и естественно, что средняя крестьянская масса не почувствовала вовсе этого четырехлетнего царствования. И смерть Павла не произвела на большинство крестьян никакого впечатления.

Зато те мужики, которые склонны были к религиозным вопросам и размышляли на религиозные темы, по-своему поняли духовное лицо Павла. Несмотря на то что Павел проявил некоторую терпимость к раскольникам, их отзывы об императоре дышат гневной непримиримостью. «Тот, кто царствует, рожден не от христианской крови, а от антихриста», «царь Павел – настоящий дьявол», «император наш воистину антихрист»...

Александр Первый

I

Этой ночи Александр никогда не мог забыть. Ему даже порою снилась одна из комнат Елизаветы в нижнем этаже замка. Там белая мраморная девушка играла с голубем и тикали часы, изображавшие Бахуса на бочке. Александр тогда ушел из своего кабинета, чтобы не быть одному. Но Елизавета сидела недвижимая и молчаливая, и монотонное тиканье часов почему-то казалось страшным. Какая была мертвая тишина!

На одно мгновение глаза Александра встретились с голубыми холодными глазами непонятной красавицы, которая восемь лет тому назад была повенчана с ним по приказанию бабушки-императрицы. Теперь она поневоле делила с ним ужас этой ночи.

Александр сидел в кресле, сутулясь, как будто чьи-то незримые руки давили ему на плечи. Он вспомнил, как на днях он уговаривал плац-майора Михайловского дворца Аргамачева примкнуть к заговору и, когда тот колебался, упрекал его «не за себя, а за Россию». И Аргамачев согласился. Такова судьба. Теперь все кончено. Сегодня, сейчас все решится. Пален приведет заговорщиков, и они заставят безумного отца отречься от престола. Неужели он станет упрямиться? Разве не великое счастье сбросить с себя это свинцовое бремя власти? Александр окружит его своим добрым попечением. Павел Петрович скоро убедится, что корона вовсе не нужна сыну. Надо освободить Россию, дать ей коренные законы, как в Англии, а потом покинуть трон, уйти куда-нибудь от этой отвратительной и, в сущности, мнимой самодержавной власти... Александр согласился на переворот не для себя, а для России.

И вдруг он вспомнил, что сегодня вечером, в восемь часов, дежурный полковник Саблуков явился к брату Константину с рапортом и был свидетелем постыдной сцены. Он застал там Александра. Раздались неожиданно знакомые шаги императора, распахнулась дверь, и, гремя шпорами, вошел Павел. Саблуков ничем не обнаружил боязни, но Александр, наследник и, быть может, завтра император, вел себя, как испуганный заяц... Этот Саблуков, чего доброго, напишет, пожалуй, в своих мемуарах, как цесаревич дрожал в постыдном страхе. И будущий историк не забудет рассказать потомству об этом позоре. Сегодня Оболянинов водил братьев в церковь для вторичной присяги. И Александр перед крестом и Евангелием клялся в верности монарху. Значит, он, Александр, клятвопреступник? Но что же ему было делать? Надо было выиграть время. Пален сказал, что император готовил или казни, или вечную тюрьму жене и детям. Но почему же сегодня за ужином отец смотрел на него так добродушно? И почему, когда Александр чихнул, отец сказал, улыбаясь: «Будьте здоровы, сударь...»

От этого воспоминания мучительно заболело сердце. И вдруг – странный топот наверху. Александру почудился даже крик. Быть может, заговорщики бежали или арестованы. Тогда все кончено. Павел казнит сына...

Ровно в половине первого распахнулась дверь и вошел Палеи. Но Александр не узнал его. Нет, это не граф Петр Алексеевич. Куда девались его насмешливые, веселые глаза? Где же его холодная, ироническая улыбка? Какой странный и жестокий у него взгляд! И говорит он что-то непонятное и страшное. Умер! Как умер? Почему? Ведь ему, Александру, обещано сохранить жизнь отца. Значит, император Павел убит! Он представил себе знакомое опрокинутое бледное лицо с мертвыми теперь глазами. Александр простонал: «Скажут, что я убийца...» Все заволокло синим туманом, исчезли комната с мраморной девушкой и часами, граф Пален, голубоглазая подруга... Когда Александр очнулся, перед ним было опять жестокое лицо Палена. Граф тряс его за плечи и кричал ему в ухо:

– Довольно быть мальчишкой!.. Извольте царствовать!

Но Александр опять повалился на кушетку, рыдая.

К нему подошла Елизавета. Когда он увидел ее сухие глаза и почувствовал прикосновение ее руки, ему сделалось стыдно.

Пришлось выйти на крыльцо дворца, где стояли мрачно семеновцы и преображенцы. А в два часа Александра повезли в Зимний дворец. Елизавета осталась успокаивать императрицу-мать, которую солдаты не пускали к обезображенному телу императора.

Так началось новое царствование. Этой ночи Александр никогда не мог забыть.

II

Когда Александр был объявлен императором, ему было двадцать четыре года. Многомиллионная Россия была теперь как будто в его полной власти, ничем не ограниченной. Но с первых же дней своего царствования он убедился в том, что на самом деле эта власть была мнимая, что даже он в своей личной жизни вовсе не свободен, что любой российский гражданин больше принадлежит себе и собой располагает, чем он, самодержец. Он был не свободен, потому что со всех сторон ему настойчиво предлагали противоречивые проекты и планы, и он постоянно чувствовал, что он как в сетях. Его убеждения одних радовали, других смущали, но он не успевал применять к делу свои мысли, и ему казалось, что во дворце прозрачные стены и все смотрят на него, как будто он на эстраде. И он невольно говорил и держался, как плохой актер, чтобы утаить от всех свое сердце. Он был не свободен еще и потому, что теперь вдруг стало ясно для него самого, что он вовсе не готов к роли монарха. Как прошло его отрочество? Как прожил он свои юношеские годы? Разве не чувствовал он себя пленником то екатерининского вельможного быта, то гатчинской кордегардии? Он никогда не мог быть таким грубым, как брат Константин. Приходилось ладить и с императрицей и с отцом, но он никогда не мог понять, как, например, брат решался, насмехаясь, передразнивая отца за его спиной в присутствии Екатерины и ее любовника, а там, в Гатчине, издеваться над слабостями самодержавной монархини.

Нет, он, Александр, спасая себя, выдумал иные приемы, чтобы внушить к себе доверие и бабушки и отца. Он льстил, расточал нежные признания, покорно со всеми соглашался, обезоруживал кротостью, тая свое настоящее лицо под маской «сущего прельстителя», как впоследствии выражался М. М. Сперанский.

Еще осенью 1779 года, когда Александру не было и трех лет, императрица писала Гримму: «О! Он будет любезен, я в этом не обманусь. Как он весел и послушен, и уже с этих пор старается о том, чтобы нравиться».

Восьмилетним мальчуганом он удивил Екатерину, превосходно разыграв сцену из комедии «Обманщик». И не мудрено, что, когда ему исполнилось четырнадцать лет, царица могла написать своему корреспонденту: «Нынешней зимой господин Александр овладел сердцами всех».

А как его воспитывали? Чему учили?

Первой его учительницей и воспитательницей была сама Екатерина. Она сочиняла для него учебники по всем правилам тогдашней педагогики, внушая ему, как ей казалось, здравые понятия о человеке и мире. Все это было отвлеченно, рассудочно и поверхностно, но императрица была очень довольна собой и своим воспитанником и хвасталась его успехами в письмах своих к Гримму. Кое-чему, однако, мальчуган учился, играючи. Так, по-английски, например, он научился говорить раньше, чем по-русски, потому, что с младенчества к нему была приставлена англичанка. Его воспитателем был назначен граф Николай Салтыков, искушенный царедворец, любивший гримасничать и склонный к капризам. Этот человек маленького роста с большой головой не носил по каким-то гигиеническим соображениям подтяжек и непрестанно поддегивал рукой спадавшие с него штаны, чем очень забавлял своего воспитанника. Его педагогическая деятельность была ничтожна, хотя он и пользовался репутацией одного из самых проницательных вельмож. Другим воспитателем Александра был генерал Протасов. Его обязанности заключались главным образом в том, чтобы следить за повседневным поведением мальчика, и генерал добросовестно ворчал на своего воспитанника. Протасов оставил нам свой дневник, в коем мы находим отзывы об успехах будущего венценосца. И надо сказать, что эти отзывы далеко не так благоприятны, как отзывы самой царицы.

Русскую историю и литературу преподавал Александру М. Н. Муравьев, один из весьма значительных наших писателей XVIII века, но педагог слишком робкий и нерешительный. Математику читал будущему царю Массон, географию и естествознание – известный Паллас, физику – Крафт. Надо было также научить наследника закону божию, и Екатерина, опасаясь, чтобы мальчику не внушили каких-нибудь суеверий, подыскала для него самого безопасного в этом отношении протоиерея. Это был некто Сомборский, много лет проживавший в Англии, женатый на англичанке, бривший бороду и усы и носивший светское платье европейского покроя. Под руководством обмирщенного протоиерея Александр сделал новые успехи в английском языке, но едва ли этот законоучитель успел внушить своему питомцу какие-либо точные понятия о религии. Любопытно письмо этого протоиерея-англomана к митрополиту Амвросию. Оно, по-видимому, написано по поводу обвинений его, Сомборского, в уклонении от православия. Протоиерей не постыдился заявить следующее: «Одобрения и беспристрастные свидетельства высочайших особ должны теперь положить единый и ясный смысл на оные многообразные толкования». Иными словами, Сомборский признал для себя безусловным духовным авторитетом коронованную развратницу Екатерину, которая сознательно сделала этого ловкого дипломата законоучителем Александра. Правда, Екатерина не достигла своей цели, и Александр в конце концов, как известно, обнаружил чрезвычайную склонность к мистицизму, впрочем, далеко не православному. Но все эти педагоги играли вторые роли в деле воспитания Александра. Главным учителем и воспитателем будущего русского императора был швейцарец Лагарп. Этот человек, добродетели коего восхищали многих мемуаристов и биографов Александра, был типичный доктринер конца XVIII века. С покатым лбом, острым носом, тонкими губами, он напоминал чем-то Робеспьера. Подобно знаменитому якобинцу, он был склонен повторять непрестанно известные формулы, моральные и политические, как будто они являются божественным откровением, а не плодом весьма сухой и отвлеченной мысли. Лагарп, по-видимому, имел скудные сведения о подлинной жизни народных масс Европы, но говоря уже о том, что о русском народе он не имел никакого понятия. Он, однако, сумел привязать к себе своего питомца, который почувствовал, вероятно, неподкупность своего воспитателя. Среди развратных и корыстных вельмож екатерининского двора Лагарп должен был производить впечатление человека серафического, и не мудрено, что Александр проникся к нему уважением. Нравственный авторитет Лагарпа понудил юношу без критики принять его довольно плоскую и сентиментальную философию. Сам Лагарп был всецело удовлетворен идеями и теориями Гиббона, Мабли и Руссо, что, конечно, соответствовало духу эпохи.

Достаточно прочесть записку о воспитании, представленную Лагарпом Екатерине, чтобы оценить уровень его исторических знаний и его понимания истории. «Не следует никогда забывать, – пишет он, например, – что Александр Македонский, одаренный прекрасным гением и блестящими качествами, опустошил Азию и совершил столько ужасов единственно из желания подражать героям Гомера, подобно тому как Юлий Цезарь из подражания этому самому Александру Македонскому совершил преступление, сокрушив свободу своего отечества».

Внуку Екатерины, по-видимому, нравились такие высокие и добродетельные идеи, и он, вероятно, поверил, что эллинизация Азии в самом деле произошла потому, что Александр Македонский захотел «подражать героям Гомера». В голове юноши уже прочно сидела мысль о том, что существует некий «идеальный человек», и все прекрасно устроится, когда мир обретет природную добродетель во вкусе Жан-Жака. Бабушка сама ему когда-то объяснила «Декларацию прав человека и гражданина» и тем подготовила почву для уроков Лагарпа. Правда, в революционной Франции после этой самой декларации произошли события, весьма удивившие и огорчившие русскую императрицу, но она все-таки поверила Лагарпу, что голова Капета, оказавшаяся в корзине гильотины, – случайная ошибка и что

добродетель по-прежнему вне сомнений. Республиканец Лагарп, впоследствии разочаровавшийся в своей маленькой швейцарской демократии, тогда еще был убежден, что Вольтер напрасно развенчивал оптимизм Панглоса, и что в этом мире все можно устроить превосходно, избегая якобинских крайностей.

Иную философию исповедовал в Гатчине опальный цесаревич Павел. Он не любил якобинцев. В этом вопросе юный Александр склонялся на сторону своего либерального воспитателя и даже уговорил своего брата Константина прицепить к мундирчику трехцветную кокарду.

Однажды Павел, получив известия о новых жертвах гильотины, сказал своим сыновьям: «Вы видели, дети мои, что с людьми следует обращаться как с собаками». Лагарпа Павел старался не замечать. Иногда он спрашивал Александра: «А что, этот якобинец все еще около вас?»

Теперь, став императором, Александр припомнил все это, и порою у него являлись сомнения в правильности Лагарповой философии. А тогда у него вовсе не было сомнений, и он твердо верил в «права человека и гражданина». Но, несмотря на философические разногласия, у Павла и Александра было кое-что общее. Они оба любили военную дисциплину, «однообразную красоту» парадов и суровую систему прусской государственности. Великая императрица все-таки была «баба». А в сердце мальчика, при всей его нежности, просыпалось иногда самолюбивое чувство мужчины.

С 1791 года Екатерина перестала скрывать от близких ей людей свой план устранения Павла от престола, и Александр, посвященный в этот план, был в ужасе от близости того часа, когда ему придется заявить наконец о себе, сбросив личину. А личину ему приходилось носить постоянно, ему, подростку, за которым шпионили все. Впрочем, один человек за ним не шпионил. Это был добродетельный Лагарп. И, кажется, Александр с совершенной искренностью полюбил его тогда, несмотря на всю узость и сухость доктрины этого своего ментора.

Разделяя мысли Лагарпа о возможном разумном к справедливом устроении будущего государственного порядка, юноша Александр полагал, однако, что было бы очень не худо, если бы этими опытами занялись другие люди, оставив в покое его, Александра, склонного к мирной и частной жизни, а не к роли государственного кормчего, властно направляющего среди бури бег «державного корабля».

А пока ему приходилось хитрить и таить от всех свое отвращение к власти. Когда Екатерина открыла ему о своих намерениях устранить Павла и возвести на престол его, Александра, злополучный кандидат на русский трон написал бабушке письмо, достойное будущего соперника Талейрана и Меттерниха. В этом письме Александр как будто бы на все был согласен, и в то же время нельзя было никак воспользоваться этим документом как доказательством, что Александр намерен оспаривать права отца на верховную власть. В это же время он написал письмо Павлу, называя отца «его величеством» и тем как бы предрешая вопрос о престолонаследии: Александр был уверен, что этого письма цесаревич не покажет грозной бабушке никогда.

Юноша Александр худо представлял себе тогдашнюю Россию. Знаменитые «потемкинские деревни» заслоняли истинную картину русской жизни, не говоря уже о непрестанном гипнозе роскоши и великолепия екатерининского двора. Трудно было сосредоточиться и обдумать свое ответственное положение среди блестящей суеты. Масштаб екатерининской политики был не малый. Но эта великодержавная и победоносная политика, которую вела Екатерина при помощи Потемкина, Румянцева, Суворова и прочих ревнителей русской военной и государственной славы, слишком дорого обходилась стране и народу. Пределы России расширялись по плану Петра I, но это упорное стремление к естественным границам, к овладению, например, берегами Черного моря, не сопровождалось укреплением нашего

беспредельного тыла. Наши финансы были неблагополучны; наше хозяйство было в беспорядке; внутренние силы страны в своем развитии отставали от завоевательных наших планов, и победы внешние не сопровождались правовыми и социальными реформами. Крепостные худо и лениво работали, тяготясь своим бесправием и нищетой. Мы знаем, как туго пришлось екатерининским генералам, когда Пугачев двинул на помещиков вольнолюбивых мужиков.

Но Екатерина не очень заботилась о том, чтобы Александр узнал подлинную, мужицкую Россию. Она старалась внушить ему уверенность, что ее политика превосходна, что пугачевщина – маленькое недоразумение, не более. Кажется, она сама поверила лести энциклопедистов, которые уверяли императрицу, что она благодетельница народа, достойная удивления и преклонения. Лъстивый юноша тоже курил ей фимиам, и государыня баловала своего любимца. Между Павловском и Царским Селом она построила для него Александрову дачу. Там был разбит сад, по тенистым порожкам коего разгуливал будущий император со своим воспитателем, слушая откровения о безмятежном благоденствии просвещенных западных народов. Лагарп советовал своему ученику просветить так же варварский русский народ, внушив ему понятия и чувства, какие свойственны, например, добродетельным швейцарцам. Александрова дача была подходящей декорацией для подобных сцен и диалогов. Дом великого князя живописно стоял на берегу озера. Все было очень аллегорично. В парке были расположены как памятники военные трофеи. Павильон был расписан эмблемами богатства и щедрот. В знак любви к народу была построена уютная хижина и против нее каменная глыба с надписью: «Храни золотые камни», то есть знаменитый екатерининский «Наказ», которого, впрочем, не оцепил, как известно, грубый русский народ, потребовав вместо наказа воли и земли. Пришлось усмирять эту нетерпеливую чернь, но Екатерина делала вид, что она великодушно прощает неблагодарных и что после расправы с Пугачевым идиллия восстановлена и все благополучно. Для прославления этого благополучия был построен храм «Розы без шипов». Купол поддерживался семью колоннами, а на плафоне был изображен Петр I, смотрящий с высоты небес на «блаженствующую Россию». Эта аллегорическая фигура опиралась на щит Фелицы, то есть Екатерины, чей портрет и был написан на этом самом щите. Были и другие храмы – Цереры, Флоры и Помоны...

Потом эта Александрова дача оказалась почему-то собственностью графа Н. И. Салтыкова, а впоследствии, когда Александр стал императором, была я вовсе заброшена, и никто не умилялся на храм «Розы без шипов», – очевидно, вера в такую противоестественность была утрачена.

III

Александр был умен. Он прекрасно понимал, что розы без шипов не бывает. И он боялся этих шипов. Государственные заботы ему казались непосильными и страшными. Надо было так много знать, всему учиться и обо всем помнить, а забвение так приятно. И так соблазнительно махнуть на все рукой. Его воспитатель Протасов писал в 1791 году, когда Александру было четырнадцать лет: «Замечается в Александре Павловиче много остроумия и способностей, но совершенная лень и нерадение узнавать о вещах, и не только чтоб желать ведать о внутреннем положении дел, как бы требовали некоторого насилия в познании, но даже удаление читать публичные ведомости и знать о происходящем в Европе. То есть действует в нем одно желание веселиться и быть в покое и праздности. Дурное положение для человека его состояния. Я все силы употребляю преобороть сии склонности. От некоторого времени замечаются в Александре Павловиче сильные физические желания как в разговорах, так и по сонным грезам, которые умножаются по мере частых бесед с хорошими женщинами».

Вероятно, от опытной в чувственных делах Екатерины не укрылись «сильные физические желания» юноши, о которых сообщает в своем дневнике простодушный генерал. К тому же ей хотелось, чтобы Александр как можно скорее попал в положение взрослого человека: ей хотелось, чтобы все привыкли смотреть на ее любимца как на будущего императора. Надо было поскорее женить юношу. Екатерина навела справки у своих послов, и ее выбор остановился на баденских принцессах. Их было там, в Бадене, немало и, по уверению их знавших, одна другой лучше. В октябре 1792 года две принцессы, Луиза и Фредерика, прибыли в Петербург. Фредерика была совсем ребенком, а старшей, Луизе, было четырнадцать лет. Она-то и сделалась невестой Александра.

Молодые люди сначала дичились друг друга – особенно смущался Александр, который дня два вовсе не разговаривал с предназначенной для него девицей. Но в конце концов миловидность принцессы покорила сердце юноши. Александр Яковлевич Протасов 15 января 1792 года записал у себя в дневнике об Александре:

«Он мне откровенно говорил, сколько принцесса для него приятна; что он уже бывал в наших женщин влюблен, по чувства его к ним наполнены были огнем и некоторым неизвестным желанием, великая нетерпеливость видеться и крайнее беспокойство, без всякого точного намерения, как только единственно утешиться зрением и разговорами; а напротив, он ощущает в принцессе нечто особое, преисполненное почтения, нежной дружбы и несказанного удовольствия обращаться с нею, – нечто удовольствие, спокойнее, но гораздо или несравненно приятнее прежних его движений; наконец, что она в глазах его любви достойнее всех здешних девиц. Из сих разговоров внимал я, что он прямые чувства нежности начинает иметь к принцессе, а все прежние были – не любви, а стремление физическое молодого человека к видной, хорошей женщине, в которых сердце не имело участия...»

«Посему расположась, – продолжает сообщать Протасов, – говорил я его высочеству о сих чувствах и что прямая любовь, основанная на законе, соединена обыкновенно с большим почтением, имея нечто в себе божественное, поелику она, быв преисполнена нежностью, прилепляется более к душевным свойствам, нежели к телесным, а по сему самому не имеет тех восторгов, кои рождаются от сладострастия; что сия любовь бывает вечная и что чем она медлительнее выражается, тем прочнее на будущие времена будет».

Екатерина, разумеется, не разделяла этой целомудренной философии добродетельного генерала. Царица не постыдилась поручить одной из дам подготовить Александра к брач-

ному ложу, научив его тайнам «тех восторгов, кои рождаются от сладострастия». Известно, удалось ли развратницам соблазнить юношу. Но эти опыты не прошли бесследно для Александра. То нежное чувство, которое возникло в душе юноши, теперь было отравлено и обезображено уроками, преподанными по предуказанию царственной любострастницы. Любовь Александра и Луизы, названной теперь Елизаветой, при самом своем зарождении была для них источником немалых страданий и сердечной боли.

Наружность и поведение Елизаветы внушали к ней симпатии многих. Стройная, нежная, голубоглазая красавица пленяла всех своей грацией и умом. Она была образованна. Она прекрасно знала историю и литературу, несмотря на свои четырнадцать лет. Александр, хотя и был на год старше ее, казался в ее обществе подростком. Красивый русский царевич, кажется, понравился баденской принцессе, но она не могла питать к нему тех чувств уважения и преклонения, какие свойственны невесте, влюбленной в жениха. Во всяком случае, в ее душе вовсе не было того «страха», который, по мнению мудреца, обязателен для жены по отношению к мужу. Самолюбивый юноша прекрасно чувствовал, что его невеста смотрит на него как на мальчика, и это мучило его. Были и другие обстоятельства, смущавшие его сердце. Однако 23 сентября 1793 года состоялось бракосочетание Александра и Елизаветы. Екатерина была в восторге и не иначе называла молодых, как Амуром и Психеей. Иные впечатления были у простодушного Протасова. «В течение октября и ноября неведение Александра Павловича, — пишет он, — не соответствовало моему ожиданию. Он прилепился к детским мелочам, а паче военным, и, следуя прежнему, подражал брату, шалил непрестанно с прислужниками в своем кабинете весьма непристойно. Всем таковым непристойностям, сходственным его летам, по не состоянию, была свидетельница супруга. В рассуждении ее также поведение его высочества было ребяческое: много привязанности, но некоторый род грубости, не соответствующий нежности ее пола; он воображал, что надобно обходиться без чинов, и вежливость свободная, сопряженная с нежностью, была будто бы не уместна и истребляла любовь». Недоволен поведением Александра и другой свидетель его тогдашней жизни — Ф. В. Ростопчин, который в письмах к графу С. Р. Воронцову жалуется на то, что великий князь предается лени, ничему не учится и ничего не читает. Ростопчин заметил, что Елизавета «хотя и любит своего супруга, но он для нее слишком молод». «Скука ее убивает». В это время нашелся неожиданный претендент на благосклонность Елизаветы. Это был фаворит шестидесятилетней Екатерины — Платон Зубов. Он вдруг влюбился в супругу Александра и стал настойчиво за ней ухаживать. Не встретив сочувствия, этот человек, как рассказывает один мемуарист, по целым дням валялся на диване, изнемогая от страстного томления. Для утешения он заставлял своих крепостных музыкантов играть на флейте. Меланхолические и сладострастные звуки должны были, как он надеялся, исцелить его раненое сердце.

Само собою разумеется, что такие интриганки, как графиня Шувалова и другие придворные дамы, жадные до сплетен, с наслаждением следили за поведением молодой великой княгини.

Пятнадцатого ноября 1795 года Александр писал графу Кочубею: «Мы довольно счастливы с моей женой, когда мы одни, если при нас нет графини Шуваловой; которая, к сожалению, приставлена к моей жене». Александр видел интригу, которую плели придворные негодяи, и от него не скрылись вожделения Зубова. «Вот уже год и несколько месяцев, — сообщает он в том же письме, — граф Зубов влюблен в мою жену. Посудите, в каком затруднительном положении находится моя жена, которая воистину ведет себя как ангел».

Графиня Головина, описывая двор того времени, рассказывает, между прочим: «Удовольствиям не было конца. Императрица старалась сделать Царское Село как можно более приятным»... «Платон Зубов принимал участие в развлечениях. Грация и прелесть великой княгини произвели на него в скором времени сильное впечатление». Как-то вечером, во

время игры, подошел к нам великий князь Александр, взял на руку меня, так же как и великую княгиню, и сказал: «Зубов влюблен в мою жену». Эти слова, произнесенные в моем присутствии, очень огорчили меня. Я сказала, что эта мысль не может иметь никаких оснований, и прибавила, что, если Зубов способен на подобное сумасшествие, следовало его презирать и не обращать на него ни малейшего внимания. Но это было слишком поздно: «эти несчастные слова уже несколько смутили сердце великой княгини»... *«После игры я, по обыкновению, ужинала у их императорских высочеств. Открытие великого князя все бродило у меня в голове. На другой день мы должны были обедать у великого князя Константина в его дворце в Софии. Я поехала к великой княгине с целью сопровождать ее. Ее высочество сказала мне: „Пойдемте скорее подальше от других: мне нужно вам что-то сказать“. Я повиновалась, она подала мне руку. Когда мы были довольно далеко и нас не могли слышать, она сказала мне: „Сегодня утром граф Ростопчин был у великого князя с целью подтвердить ему все замеченное относительно Зубова. Великий князь повторил мне его разговор с такой горячностью и беспокойством, что со мной едва не сделалось дурно. Я в высшей степени смущена, не знаю, что мне делать, присутствие Зубова будет меня стеснять наверное...“ „Вечером мы вошли к императрице. Я застала Зубова в мечтательном настроении, беспрестанно бросающего на меня томные взоры, которые он переводил потом на великую княгиню. Вскоре несчастное сумасбродство Зубова стало известно всему Царскому Селу“».*

Кажется, Екатерина узнала последняя о новой страсти своего любовника. По-видимому, она сумела излечить его от этого недуга, и ее горькое лекарство подействовало на него лучше, чем меланхолические звуки сладострастных флейт. Впрочем, существует легенда, которая приписывает Екатерине роль сводни в этой невеселой истории.

Любила ли Елизавета своего мужа? Когда-то она написала по-французски на клочке бумаги: «Счастье моей жизни в его руках, если он перестанет меня любить, я буду несчастной навсегда. Я перенесу все, все, но только не это»...

А в январе 1793 года она писала своей матери, маркграфине баденской: *«Вы спрашиваете, нравится ли мне по-настоящему великий князь. Да, он мне нравится. Когда-то он мне нравился до безумия, но сейчас, когда я начинаю короче узнавать его (не то чтобы он терял что-нибудь от знакомства, совсем напротив), но когда узнают друг друга лучше, замечают ничтожные мелочи, воистину мелочи, о которых можно говорить сообразно вкусам, и есть у него кое-что из этих мелочей, которые мне не по вкусу и которые ослабили мое чрезмерное чувство любви. Эти мелочи не в его характере, я уверена, что с этой стороны он безупречен, но в его манерах, в чем-то внешнем...»*

IV

В начале 1795 года уволен был Лагарп, и Александр совсем перестал учиться и работать. Современники уверяют, что он забросил книги и предавался лепи и наслаждениям. Только гатчинские упражнения на военном плацу продолжали будто бы занимать будущего императора. Возможно, что все это правда, но едва ли Александр совсем бесплодно проводил время. Он внимательно наблюдал за тем, что делается вокруг. И если он не успел узнать подлинной, народной России, удаленной от него, зато он успел возненавидеть самодержавие бабушки и низость придворного быта. Будущий самодержец, он стыдился тогда безумия неограниченной власти и мечтал избавиться как-нибудь от нее.

Двадцать первого февраля 1796 года Александр писал Лагарпу: «Дорогой друг! Как часто я вспоминаю о вас и о всем, что вы мне говорили, когда мы были вместе. Но это не могло изменить принятого мною намерения отказаться впоследствии от носимого мною звания. Оно с каждым днем становится для меня все более невыносимым по всему, что делается вокруг меня. Непостижимо, что происходит: все грабят, почти не встречаешь честного человека...» Далее Александр жалуется, что придворный быт мешает его занятиям наукой. Но он, Александр, надеется одолеть эти неблагоприятные условия и вновь приняться за книги по программе, которую ему предложил, уезжая, Лагарп. Александра пугает также чрезмерное увлечение брата Константина военной дисциплиной. «Военное ремесло вскружило ему голову, и он иногда жестоко обращается с солдатами своей роты... Я же, хотя и военный, – заканчивает он свое письмо, – жажду лишь мира и спокойствия и охотно уступлю свое звание за ферму подле вашей или по крайней мере в окрестностях. Жена разделяет мои чувства, и я в восхищении, что она держится моих правил».

Весною того же года Александр пишет своему приятелю Виктору Павловичу Кочубею, который в это время занимал пост нашего посла в Константинополе: «Мое положение меня вовсе не удовлетворяет. Оно слишком блистательно для моего характера, которому нравится исключительно тишина и спокойствие. Придворная жизнь не для меня создана. Я всякий раз страдаю, когда должен являться на придворную сцену, и кровь портится во мне при виде низостей, совершаемых на каждом шагу для получения внешних отличий, не стоящих в моих глазах медного гроша. Я чувствую себя несчастным в обществе таких людей, которых не желал бы иметь у себя и лакеями, а между тем они занимают здесь высшие места, как, например, князь Зубов, Пассек, князь Барятинский, оба Салтыковы, Мятлев и множество других, которых не стоит даже и называть и которые, будучи надменны с низшими, пресмыкаются перед тем, кого Доятся. Одним словом, мой любезный друг, я сознаю, что рожден не для того сана, который ношу теперь, и еще менее для предназначенного мне в будущем, от которого я дал себе клятву отказаться тем или другим способом. Вот, дорогой друг, важная тайна, которую я уже давно хотел передать вам; считаю излишним просить вас не сообщать о ней никому, потому что вы сами поймете, что это нечто такое, за что я мог бы дорого поплатиться...»

По-видимому, Александр духовно созрел и возмужал. Это уже не тот мальчик, который «непристойно» шалит со своими камердинерами. У него сложились взгляды и убеждения. И если в них много сентиментальной мечтательности, то все же в них уже есть и та горькая правда, которая мучила этого императора всю его жизнь. Двадцать пять лет царствовал самодержавно Александр; двадцать пять лет оп воевал и управлял, возбуждая к себе то добрые чувства, то страстную ненависть, но время от времени навязчивая идея об отречении от престола возникала в его душе, и он изнемогал в этом борении с самим собою. Так, в 1817 году, во время одной из своих поездок на юг, он в присутствии нескольких лиц сказал: «Когда кто-нибудь имеет честь находиться во главе такого народа, как наго, он должен в минуту

опасности первый идти ей навстречу. Он должен оставаться на своем посту только до тех пор, пока его физические силы ему это позволяют. По прошествии этого срока он должен удалиться...» «Что касается меня, – продолжал он с выразительной улыбкой, – я пока чувствую себя хорошо, но через десять или пятнадцать лет, когда мне будет пятьдесят...» Присутствующие прервали государя. Однако не у одного Михайловского-Данилевского, бывшего свидетелем этого разговора, должна была явиться мысль о судьбе Диоклетиана. Через два года в Красном Селе, на обеде у брата Николая, он сказал ему и его жене Александре Федоровне, что Константин отказался от прав наследника, и что Николаю надо готовиться принять власть, и что «это случится гораздо раньше, чем можно предполагать, так как это случится еще при его, Александра, жизни...» «Я решил сложить с себя мои обязанности, – сказал император, – и удалиться от мира». Осенью того же года в Варшаве Александр сказал брату Константину, что он твердо решил «абдикировать». В 1824 году он говорил Васильчикову: «И был бы рад сбросить с себя бремя короны, ужасно тягостной для меня...» Весной 1825 года он оделил подобное же признание посетившему Петербург принцу Оранскому. Наконец 15 августа 1826 года, накануне коронации Николая Павловича, Александра Федоровна писала в своем дневнике: «Наверное, при виде народа я буду думать о том, как покойный император, говоря нам однажды о своем отречении, сказал: „Как я буду радоваться, когда я увижу вас проезжающими мимо меня, и я, затерянный в толпе, буду кричать вам „ура“».

Итак, всю жизнь Александр лелеял одну мечту. Если в юности он романтически рисовал себе будущее, как скромную жизнь «с женой на берегах Рейна», полагая свое «счастье в обществе друзей и в изучении природы», то под конец жизни это бегство от власти он уже не представлял себе как счастливую идиллию. Но и в эти последние, трудные годы его мысль была прикована к одной надежде – бросить все и уединиться во что бы то ни стало... Но каждый раз эта надежда туманилась и вовсе исчезала, потому что не так легко сбросить с себя корону. Александр понимал, что надо что-то сделать сначала, обеспечить государство от полного развала и гибели, кому-то передать власть, но сделать это, окапывается, не так просто. И вот у него постепенно складывалось убеждение, что надо сначала установить какой-то порядок, дать России закон и гражданственность и потом, когда свобода станет достоянием страны, уйти, предоставив иным продолжать начатое им дело.

Когда эти мысли, складывались у него в душе, как нечто стройное и для него самого убедительное, судьба свела его с одним человеком, который сыграл в его жизни не последнюю роль. Это был молодой польский аристократ князь Адам Чарторижский, попавший в Петербург как заложник. Он был старше Александра на семь лет. Значит, в 1796 году Александру было девятнадцать лет, а Чарторижскому двадцать шесть. Молодой польский патриот, изящный и красивый, был умен, образован и выделялся при дворе Екатерины, и не мудрено, что Александр стал искать с ним близости. Адаму Чарторижскому нетрудно было занять с вопиющей особой воображение молодого великого князя и его прелестной жены. Чарторижский, будучи еще шестнадцатилетним мальчиком, успел познакомиться с выдающимися людьми эпохи. Он знал многих немецких филологов и писателей, он знал Виланда, Гердера и самого Гете. В 1793 году он жил в Англии. В 1794 году сражался против России под знаменами Костюшки, который теперь томился по воле Екатерины в петербургском плену.

Однажды весной – это было в 1796 году – Александр пригласил Чарторижского к себе в Таврический дворец. Они вышли в сад, и Александр гулял со своим гостем часа три, изумляя иностранца своей откровенностью и свободомыслием. *«Великий князь сказал мне, – пишет Чарторижский в своих мемуарах, – что он несколько не разделяет воззрений и правил Кабинета двора; что он далеко не одобряет политики и образа действий своей бабки; что он порицает ее принципы; что все его желания были на стороне Польши и имели предметом успех ее славной борьбы; что он оплакивал ее падение; что Костюшко в его глазах был*

человеком великим по своим добродетелям и потому, что он защищал дело человечества и справедливости. Он сознался мне, что ненавидит деспотизм повсюду, во всех его проявлениях; что он любит свободу, на которую имеют одинаковое право все люди; что он с живым участием следил за французской революцией...» «Прохаживаясь вдоль и поперек по саду, — продолжает Чарторижский, — мы несколько раз встречали великую княгиню, прогуливавшуюся отдельно. Великий князь сказал мне, что его супруга — поверенная всех его мыслей, что она одна знает и разделяет его чувства, но что, за исключением ее, я — первое и единственное лицо, с которым после отъезда его наставника он решил говорить о них; что он не может поверить их решительно никому, ибо никто в России еще не способен разделять их или даже понять...

Этот разговор был пересыпан, как легко себе представить, излияниями дружбы с его стороны, с моей — выражениями удивления и благодарности и уверениями в преданности... Я расстался с ним, сознаюсь в том, вне себя, глубоко взволнованный, не зная, сон ли это или действительность...»

Мы, впрочем, теперь знаем, что Адам Чарторижский был взволнован тогда не только беседой великого князя, но и пленительной наружностью его жены, будущей императрицы Елизаветы Алексеевны.

V

Кто окружал тогда Александра? Кто кроме Адама Чарторижского был ему близок? Приходится назвать прежде всего молоденького тогда камер-юнкера А. Н. Голицына, которому впоследствии также довелось играть немалую роль в биографии монарха.

Тогда ни он, ни Александр этого не предугадывали. Маленький и забавный, только что кончивший пажеский корпус, несравненный шутник, умевший с удивительным искусством передразнивать любого человека, он сделал себе придворную карьеру, цепляясь за юбку старой дамы Марьи Савишны Перекусихиной, у которой была незавидная репутация придворной сводни. Александр считал его своим приятелем. Тогда еще юный Голицын не был склонен к пиетизму и, кажется, тратил свои физические и душевные силы на приключения, весьма сомнительные в нравственном отношении. В своих мемуарах Чарторижский пишет про него: «Маленький Голицын в то время, когда мы с ним познакомились, был убежденным эпикурейцем, позволявшим себе с расчетом и обдуманно всевозможные наслаждения, даже с весьма необычайными вариациями».

В 1796 году приехали в Петербург молодые супруги – граф П. А. Строганов и его жена Софья Владимировна. Эта красивая и умная женщина, несмотря на свой маленький рост и некоторую сутулость, с годами превратившую ее в горбунью, обладала чарами, покорявшими сердца многих. От ее очарований не был свободен одно время и Александр, сохранивший до конца дней полное к ней уважение и симпатию. Ее муж, большой поклонник английской конституции, в юности по капризу своего отца, известного мецената и масона, попал в руки своеобразного воспитателя – Жильбера Ромма, который, сопровождая его в заграничном путешествии, ввел молодого человека в 1789 году в Парижский якобинский клуб. Юный Строганов тогда же вступил в связь с прославленной куртизанкой Терауан де Мерикур, которая в мужском наряде водила за собой мятежников в Версаль, требуя королевской головы. С. В. Строганова стала впоследствии самой норной наперсницей императрицы Елизаветы, а сам граф был правой рукой Александра в первые годы его царствования. Среди тогдашних друзей Александра весьма заметен был еще один человек – П. И. Новосильцев, родственник графа Строганова. Он был значительно старше Александра и производил на него большое впечатление своим умом, образованностью, способностями и умением изящно и точно излагать свои мысли. Впрочем, и этот выдающийся человек не мог быть добрым примером в отношении нравственности, по чрезвычайной своей склонности к чувственным наслаждениям. О Викторе Павловиче Кочубее, тоже приятеле будущего царя, можно сказать устами желчного Вигеля: «Перед соотечественниками ему было чем блеснуть: он лучше других знал состав парламента, права его членов, прочитал всех английских публицистов и, как львенок крыловской басни, собирался учить зверей вить гнезда. Красивая наружность, иногда молчаливая задумчивость, испытующий взгляд, надменная учтивость были блестящей завесой, за коей искусно он прятал свои недостатки, и имя государственного человека принадлежало ему, когда еще ничем он его не заслужил...»

Но пот в начале ноября 1796 года Екатерина скоростигжно умерла. На престол вступил Павел. Все тотчас изменилось. Чуть ли не в тот же день Александру пришлось, облачась в старомодный прусский мундир, устанавливать полосатые будки вокруг дворца, как в Гатчине. Павел не сразу разогнал либеральных друзей Александра. Братьев Чарторижских он даже награждал какими-то орденами. Вместе с Александром новый царь посетил Костюшку, который жил на тюремном положении в одной из комнат Мраморного дворца. Павел, как известно, поспешил освободить вождя польских повстанцев. Но полонофильские чувства Павла были не особенно прочны. Через год он неожиданно удалил Адама Чарторижского, сделав его сардинским посланником, а брата его понудил подать в отставку и отправил

зга границу. К концу Павлова царствования в Петербурге из тогдашних вольнодумцев при Александре оставался один только П. А. Строганов. Зато у цесаревича был теперь совсем иного склада верный друг и преданный слуга – Алексей Андреевич Аракчеев. Этот любимец Павла дважды, впрочем, лишался его милости, то из-за подполковника Лена, застрелившегося после оскорблений, нанесенных ему временщиком, то за ложный донос по поводу кражи в арсенале. Этот грубый и полуобразованный гатчинский капрал нужен был Александру как надежный служака. За его холопией спиной прятался цесаревич от строптивого Павла. Правда, трудно и тяжело было смотреть на аракеевские приемы дисциплины, но другого выхода не было. «Алексей Андреевич, – писал Александр в 1796 году, – имел я удовольствие получить письмо ваше и сожалею весьма, что майоры я офицеры мои подвергаются наказаниям, особливо в столь легких вещах. Надеюсь, что вперед будут рачительнее...» Аракчеев был нужен Александру как дядька. Чтобы избавить будущего императора от необходимости рано вставать для подписания утреннего рапорта Павлу, Аракчеев с готовой бумагой приходил по утрам к цесаревичу, когда тот еще лежал в постели вместе с женой, и Елизавета Алексеевна прятала плечи под одеяло, тюка гатчинский генерал разговаривал с Александром. Александр ценил его преданность. «Друг мой, Алексей Андреевич, – писал он, – я пересказать тебе не могу, как я рад, что ты с нами будешь. Это будет для меня великое утешение и загладит некоторым образом печаль разлуки с женой, которую мне, признаться, жаль покинуть». Кстати, эта записка, посланная из Москвы в 1797 году, хотя и свидетельствует о добром отношении Александра к жене, однако едва ли могли вполне удовлетворить самолюбие супруги, надевавшейся, вероятно, что никакой гатчинский служака не может ее заменить ни в какой мере.

Впрочем, трудно предположить, чтобы Александр, человек неглупый и не лишенный нравственного чувства, мог не видеть низких и темных особенностей, аракеевской натуры. Ведь однажды на вахтпараде, когда Павел заставил Аракчеева подать в отставку, цесаревич, расспрашивая об этой новости генерал-майора П. А. Тучкова, назвал своего будущего фаворита «мерзавцем». И вот, однако, этот «мерзавец» был необходим Александру. Так, должно быть, любят цепных псов, охраняющих ревниво господское добро. И, однако, Александр не был слепым ревнителем павловских и аракеевских порядков. В 1797 году он послал тайно Лагарпу письмо, в котором между прочим писал: «Благосостояние государств не играет никакой роли в управлении делами. Существует только неограниченная власть, которая все творит шиворот-навыворот. Невозможно передать все эти безрассудства, которые совершались здесь. Прибавить к этому строгость, лишенную малейшей справедливости, немалую долю пристрастия и полнейшую неопытность в делах. Выбор исполнителей основан на фаворитизме; заслуги здесь ни при чем, одним словом, мое несчастное отечество находится в положении, не поддающемся описанию. Хлебопашец обижен, торговля стеснена, свобода и личное благосостояние уничтожены. Вот картина современной России, и судите по ней, насколько должно страдать мое сердце. Я сам, обязанный подчиняться всем мелочам военной службы, теряю все свое время на выполнение обязанностей унтер-офицера, решительно не имея никакой возможности отдаться своим научным занятиям, составлявшим мое любимое времяпрепровождение... Я сделался теперь самым несчастным человеком».

VI

И вот наконец Александр сам взял в руки власть. Теперь он мог сам распоряжаться самодержавно судьбой многомиллионного народа. Когда-то Павел в одном из своих рескриптов объявил, что во Французской республике «развратные правила и буйственное воспаление рассудка» поправили закон нравственности... Александр был уверен, что ему не придется писать таких мрачных, рескриптов. Его друг П. А. Строганов рассказал, как веселился французский народ, когда пала Бастилия. Правда, тот самый Жильбер Ромм, который научил Строганова веселой якобинской философии, впоследствии закололся кинжалом, потому что ему самому угрожала гильотина, но подобные эпизоды еще более оттеняют здравую идеологию настоящих республиканцев. Александр и его ближайшие друзья, непременно вызванные в Петербург, были «республиканцами». В мае 1801 года Строганов предложил молодому царю образовать негласный комитет и в нем обсуждать планы государственного преобразования. Александр охотно согласился, и друзья, шутя, называли свой тайный комитет Комитетом общественного спасения. А пока спешно были опубликованы либеральные указы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.